

Самый странный бар во вселенной

Лайон Спрэг де Камп, Флетчер Прэтт

BEER • BAR • SNACKS

«Коктейль из Дугласа
Адамса и Терри Пратчетта!»

— Amazon

Звезды интеллектуальной фантастики

Лайон Спрэг де Камп

**Самый Станный
Бар Во Вселенной**

«ЭКСМО»

1978

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Спрэг де Камп Л.

Самый Станный Бар Во Вселенной / Л. Спрэг де Камп —
«Эксмо», 1978 — (Звезды интеллектуальной фантастики)

ISBN 978-5-04-100761-4

Добро пожаловать в настоящий ирландский паб – Бар Гавагана, Самое Странное Заведение В Обозримой Вселенной! Здесь вы найдете поразительных завсегдатаев и просто случайных посетителей: лепрекона из Ирландии, владельца мини-дракона (ловца мышей), ведьму, оборотней, различных магов и колдунов, дриад, духов, нескольких демонов и настоящего полубога. Вы услышите их истории, байки и анекдоты – фантастические, сказочные, мистические, но все они обязательно проникнуты добрым юмором. Роман в новеллах от Лайона Спрэга де Кампа – одного из основателей жанра альтернативно-исторической фантастики и величайшего мастера юмористической фэнтези!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-100761-4

© Спрэг де Камп Л., 1978

© Эксмо, 1978

Содержание

Предисловие	6
Elephas frumentī	8
Аметист в наследство	12
Путцы, сюда!	17
Сильное чувство	21
Твари из бурбона	26
Дар божий	34
Самая лучшая мышеловка	38
Адреса не оставил	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лайон Спрэг де Камп, Флетчер Прэтт Самый Странный Бар Во Вселенной

L. Sprague de Camp

Fletcher Pratt

TALES FROM GAVAGAN'S BAR

Copyright © 1978 by L. Sprague de Camp

© А. Сорочан, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Лайон Спрэг де Камп – один из родоначальников жанра фэнтези. Автор романов о Конане-варваре, один из основателей современной альтернативно-исторической фантастики и интеллектуальной юмористической фэнтези. Лауреат премий «Небьюла», «Хьюго», «Гроссмейстер фантастики», обладатель Всемирной премии за заслуги перед жанром.

«Очаровательно – мудро, безумно, фантастично, весело, глубоко человечно и очень трогательно».

Galaxy

*Джону Друри Кларку,
доктору философии
и давнему другу авторов*

Предисловие

Составляя этот отчет о некоторых сомнительных эпизодах, более или менее тесно связанных с баром Гавагана, мы наслаждались необычайными преимуществами. Во-первых, мы оба умеем стенографировать. Безусловно, ни один из нас не обладает таким мастерством, которое вызвало бы зависть у судебной стенографистки; и поэтому необходимо предупредить, что мы не можем ручаться за абсолютную точность всех цитат. Но это вполне по силам любому из ваших репортеров (мы отказываемся от звания «авторов»): сидеть за одним из дальних столиков с записной книжкой, спрятанной между листами газеты, и тайком записывать замечания различных гостей, ни один из которых не подозревает, что его слова станут известны потомству.

Во-вторых, нам очень повезло, что мы встретили Гавагана (рифмуется с «паганом») сравнительно рано – до трагического несчастного случая, из-за которого он чуть не лишился левой ноги и принужден был оставить профессию геолога-поисковика. Он скопил немного денег, и эта сумма значительно возросла, когда он получил страховку по нетрудоспособности. Участие благого providения и тот факт, что Гаваган и мистер Коэн были прихожанами отца Макконахи – вот причины, по которым пострадавший исследователь вложил свои средства в бар, носящий ныне его имя. Подобным бизнесом можно управлять на расстоянии, он не требует постоянного присутствия владельца.

В то время заведение пребывало не в лучшем состоянии, и клиентами были в основном представители низших слоев общества. Гаваган, вкус которого в общественном и интеллектуальном отношении был скорее рафинированным, привел помещение в порядок; он стремился создать идеальные условия для бизнеса и заручиться покровительством лучших людей города. Но он вряд ли добился бы успеха без влияния, талантов и связей мистера Коэна.

Этот джентльмен – его полное имя Алоизиус П. Коэн, не стоит путать его с братом Джулиусом, офицером полиции – помог Гавагану отыскать таких покровителей, что бар добился устойчивого положения, которое и сохранилось навсегда. В те времена Коэн располнел, в свое время он был замечательным игроком в ирландский керлинг и, как говорят, когда-то одолел чемпиона Шотландии в метании шеста. Его мастерское обращение с дубинкой помогло разрешить немало непростых ситуаций в баре Гавагана. Начало биографии Коэна отличается некоторой неясностью, но настоящая его фамилия, кажется, Коган (произносится *Ко-ган*); он и его брат Джулиус изменили написание не потому, что опасались нападок расистов, а потому, что они постоянно получали обращения и от еврейских, и от католических благотворительных организаций. Будучи людьми добросердечными, они страдали из-за того, что приходилось либо отказывать просителям, либо терпеть финансовый ущерб.

Мистер Коэн работал в баре на далекой окраине города (расположенного на северо-востоке Соединенных Штатов), когда с Гаваганом приключился несчастный случай. Приблизительно в то же самое время его бар приобрела какая-то ресторанная сеть, владельцы которой настаивали, что во всех их заведениях должны подавать мороженое. Это так возмутило мистера Коэна (фундаменталиста по отношению к выпивке), что он тотчас подал в отставку. Он собирался вернуться в Слайго, когда отец Макконахи свел его с Гаваганом. Бывший геолог ни мгновения не колебался – он мог одновременно получить непревзойденного виртуоза-бармена и покровителей, которые превратили бы его бар в то место, о котором Гаваган мечтал. Он не только оплатил транспортные расходы мистера Коэна, но и возместил своему новому фактотуму все средства, потраченные на паспорт и визу.

Ценность мистера Коэна для бара Гавагана станет более очевидной по мере изложения наших историй. Материал мы собирали довольно долго. Мы полагаем, что эти рассказы, собранные вместе, представляют документ немалой общественной значимости. Слишком мало

уделяли внимания, слишком мало исследовали некоторые стечения обстоятельств, в которых господин Коэн, и как бармен, и как вольный философ, выступает своего рода катализатором.

Л. Спрэг де Камп Флетчер Прэтт Сентябрь 1952

Elephas frumenti

Худощавый, лысеющий человек в твидовом костюме едва не уронил свой стакан, а потом поставил его на стойку с чрезмерной осторожностью – это доказывало, что осторожность уже совершенно необходима.

– Вспомните про собак, – сказал он. – В самом деле, дорогая, нет предела тому, чего можно добиться с помощью селекционного разведения.

– Вообще-то там, откуда я родом, иногда думают и о других вещах, – сказала блондинка, подчеркивая древнюю шутку, позаимствованную из «Нью-Йоркера», легким движением бюста, безупречно-нравственным, как «Полицейские ведомости».

Мистер Витервокс оторвался от своего второго martini.

– Вы их знаете, мистер Коэн? – спросил он.

Мистер Коэн, протирая стакан, обернулся к клиенту боком.

– Это профессор Тотт, исключительно образованный джентльмен. Я не расслышал, как зовут леди, но мне показалось, что он называл ее Элли или как-то похоже. Вы желаете с ними побеседовать?

– Несомненно. Я однажды читал в книге об этом селекционном разведении, но не очень хорошо во всем разобрался; думаю, он мог бы мне все объяснить.

Мистер Коэн обошел вокруг стойки и неспешно препроводил клиента к столику.

– Рад с вами познакомиться, профессор Тотт, – сказал Витервокс.

– Взаимно, сэр, взаимно. Миссис Джонас, могу ли представить вам моего старинного друга, мистера Витервокса? Старинного в том смысле, что он много лет принимает целебные напитки, подносимые в баре Гавагана, а сами эти жидкости выдержаны в старинных бочках. Старение, так сказать, третьего уровня... Ха-ха! Садитесь, мистер Витервокс. Хотелось бы обратить ваше внимание на удивительные качества алкоголя, среди которого *перипетия* – не самое последнее.

– Да, верно, – сказал г-н Витервокс, который слегка ошалел. По крайней мере, вид у него стал как у чучела совы, висевшего над баром. – Так вот о чем я собирался спросить...

– Сэр, я понимаю, что использовал ученое слово, которое прозвучало бы куда уместнее в классной комнате, так что в итоге нам не удалось наладить общение. *Перипетия* – это полное изменение ролей. Пребывая в состоянии благотворной умеренности, я преследую миссис Джонас; я соблазняю ее на алкогольные подвиги. Но после третьего «Президенте» уже она преследует меня, в полном соответствии с древним биологическим принципом: алкоголь увеличивает женское желание и уменьшает мужскую силу.

Стоявший возле стойки мистер Коэн, казалось, уловил только часть этой речи.

– Жареных пирогов у нас сегодня нет, – сообщил он. – Могу вам предложить крендельки с солью. – Он достал из-под стойки блюдо с крендельками. – Почти все кончились; а я ведь только этим утром открыл новую коробку. Вот куда уходит вся прибыль бара Гавагана! В старые времена были бесплатные завтраки, а теперь – пачки соленых крендельков.

– Вот что я хотел спросить... – произнес Витервокс.

Профессор Тотт встал и поклонился, а потом внезапно вновь уселся за стол.

– Ах, тайна вселенной и музыка сфер, как мог бы выразиться Просперо! Кто преследует? Кто убегает? Злой. Истинный философ старается сохранить платонову золотую середину, проходит по лезвию ножа между преследованием и бегством, между злом и добродетелью. Мистер Коэн, всем еще по порции «Президенте», в том числе и моему старинному другу.

– Позвольте на сей раз мне заплатить, – твердо проговорил Витервокс. – Вот что я хотел спросить – об этом селекционном разведении...

Профессор тряхнул головой, дважды моргнул, откинулся на спинку стула и положил одну руку на стол.

– Вы хотите, чтобы я дал научные пояснения? Очень хорошо; но у меня есть свидетели – я делаю это по вашей собственной просьбе.

Тут заговорила миссис Джонас:

– Взгляните, что вы наделали. Теперь он разошелся; он не остановится, пока не уснет.

– Вот что я хотел узнать... – начал Витервокс, но Тотт, улыбнувшись, вновь прервал его.

– Я буду говорить коротко и только о самых простых вещах, – заявил он. – Представьте, что из шестнадцати мышей вы выбираете двух самых крупных и получаете от них потомство. Следующее поколение в свой черед спаривается с потомством от самой крупной пары из другой группы в шестнадцать мышей. И так далее. Если у вас достаточно времени и материала и если обстоятельства складываются благоприятно для новых особей, то вы с легкостью создадите мышей, которые будут размером не меньше львов.

– Тьфу! – возмутилась миссис Джонас. – Вам следует бросить пить. У вас появляются просто ужасные фантазии.

– Понимаю, – сказал Витервокс, – однажды я прочел в книге, что создали огромных крыс, которые ели лошадей, и ос размером с собак.

– Я помню эту книгу, – сказал Тотт, потягивая свой «Президенте». – Это была «Пища богов» Г. Дж. Уэллса. Боюсь, однако, что метод, который он описывает, не имел отношения к генетике и поэтому не может считаться научно обоснованным.

– Но вы можете проделывать подобные вещи с помощью этого селекционного разведения? – спросил Витервокс.

– Разумеется. Можно создать мух величиной с тигров. Это всего лишь вопрос...

Миссис Джонас взмахнула рукой:

– Элвин, какая ужасная мысль! Надеюсь, ты никогда не станешь этого делать.

– Нет ни малейших оснований для беспокойства, моя дорогая. Закон квадратного куба всегда защитит нас от таких испытаний.

– Что? – удивился Витервокс.

– Закон квадратного куба. Если вы увеличиваете вдвое размер, то в четыре раза возрастает объем и в восемь раз – вес. В итоге – ну, выражаясь просто, без лишних подробностей – у мухи величиной с тигра были бы слишком тонкие ноги и слишком слабые крылья, которые не выдержали бы ее веса.

Миссис Джонас сказала:

– Элвин, это же непрактично. Как она смогла бы двигаться?

Профессор еще раз попытался поклониться, но эта попытка оказалась менее удачной, чем первая, так как кланялся профессор не вставая.

– Мадам, цель такого эксперимента – не польза, а всего лишь доказательство. Муха размером с тигра оказалась бы желеобразной массой, которую пришлось бы кормить с ложки. – Он взмахнул рукой. – Не вижу причин, по которым кто-нибудь пожелал бы создать эдакого монстра; а поскольку природа не предоставляет никаких преимуществ насекомым огромного размера, то она вряд ли будет способствовать их воспроизводству. Я согласен, эта идея отвратительна; лично я предпочел бы другой вариант – слона величиной с муху – или с ласточку.

Витервокс подозвал мистера Коэна.

– Очень недурной напиток. Налейте нам еще по одной. Но разве ваш закон квадратного куба в этом случае не сработает?

– Разумеется, нет, сэр. В случае уменьшения размера этот закон будет работать на нас. Масса уменьшается в восемь раз, но мускулы остаются пропорциональными и способны выдерживать гораздо больший вес. Ноги и крылья крошечного слона не только поддержат его, но и придадут ему скорость колибри. Вспомните о карликовых слонах Сицилии в эпоху плис...

– Элвин, – сказала миссис Джонас, – вы пьяны. Иначе вы могли бы вспомнить, как произносится слово «плейстоцен», и не стали бы рассуждать о крыльях слонов.

– Ничего подобного, дорогая. Я могу с уверенностью сказать, что данный вид разовьет способность к полету с помощью увеличенных ушей, как у Дамбо из фильма.

Миссис Джонас захихикала.

– Нет, я, пожалуй, не хочу, чтобы они были размером с мух. Они были бы слишком маленькими для домашних животных; их просто не будет видно. Пусть они будут размером с котят, примерно вот такими. – Она вытянула пальцы, отмерив около пяти дюймов.

– Очень хорошо, моя дорогая, – сказал профессор. – Как только я получу грант от Фонда Карнеги, можно будет заняться этим проектом.

– Да, но, – спросил Витервокс, – как вы станете кормить такого слона? И можно ли будет их приручить?

– Если мужчину можно приручить, то уж слона тем более, – сказала миссис Джонас. – А кормить их можно овсом или сеном. Гораздо чище, чем держать в доме миски с едой для собак.

Профессор потер подбородок.

– Гмм... – пробормотал он. – Норма поглощения питания изменится пропорционально размеру кишечника... здесь берем размер в квадрате... я не уверен в результатах, но боюсь, что нам понадобится более концентрированное и не вполне обычное продовольствие. Я думаю, мы могли бы кормить нашего *Elephas micros*, как я предлагаю его назвать, кусками сахара. Нет, не *Elephas micros*, *Elephas microtatus*, «самый маленький, самый крошечный слон».

Мистер Коэн на миг позабыл о единственном клиенте, стоявшем у стойки, и вмешался в разговор:

– Мистер Консидайн, коммивояжер, говорил мне, что самая концентрированная пища, которую можно раздобыть, – хорошее солодовое виски.

– Вот именно! – Профессор хлопнул по столу. – Не *Elephas microtatus*, но *Elephas frumenti*, слон виски – вот чем он питается. Мы будем разводить их, подкармливая алкоголем. Самое насыщенное питание!

– О нет! Так не пойдет, – возразила миссис Джонас. – Никто не пожелает терпеть дома животное, которому постоянно требуется виски. Особенно если в доме есть дети.

Витервокс проговорил:

– Подумайте, если вам действительно нужны эти животные, почему бы не держать их в каком-то определенном месте, где нет детей и есть виски, – например в баре.

– Интересное наблюдение, – ответил профессор Тотт. – Кстати, о нашем пропитании, мистер Коэн. Налейте еще по одной. У нас есть лошади, которые живут возле дома, есть коты, которые живут в домах, есть канарейки, которые живут в клетках. Почему бы нам не создать особое животное, домашнего питомца, который живет в баре? Кстати сказать – это чучело совы, которое у вас, мистер Коэн, сходит за домашнее животное, выглядит просто паршиво.

– Они стали бы таскать мелкие вещи, – задумчиво проговорила миссис Джонас. – Они таскали бы что-то вроде совиных перьев и соленых крендельков и подставок под кружки, чтобы вить гнезда, где-нибудь в укромных уголках под самым потолком. Они вылетали бы по ночам...

Профессор устремил на миссис Джонас благосклонный взгляд, когда мистер Коэн разливал напитки.

– Моя дорогая, – произнес он, – на вас явно что-то повлияло – или этот разговор о будущих *Elephas frumenti*, или настоящий *spiritus frumenti*. Когда вы становитесь такой поэтичной...

Блондинка откинулась на спинку кресла и посмотрела вверх.

– Ничего тут поэтического нет. Вот прямо наверху, у самой вершины колонны – гнездышко одного из ваших барных слонов.

– Что там такое? – спросил Тотт.

– Да вот же, там, в самом темном уголке.

– Я ничего не вижу, – сказал мистер Коэн, – и надеюсь, вы не станете возражать, если я скажу: это чистый бар, здесь ни единой крысы нет.

– Они никогда не станут совсем ручными, – сказала госпожа Джонас, по-прежнему глядя вверх, – и если они почувствуют, что не наелись, то прилетят и заберут еду, когда бармен будет смотреть в другую сторону.

– Это действительно интересно... – проговорил Тотт, отодвигая стул и взбираясь на него.

– Не надо, Элвин, – сказала миссис Джонас. – Вы себе шею сломаете... Подумайте, они кормят своих деток...

– Подойдите ко мне, пожалуйста, я обопрусь вам на плечо.

– Эй! – внезапно воскликнул Витервокс. – Кто выпил мою порцию?

Миссис Джонас отвела взгляд от потолка.

– А вы не пили?

– Даже не прикасался. Мистер Коэн только что поставил стакан на стол, не так ли?

– Именно так. Но это случилось несколько минут назад, и, возможно, вы...

– Нет, ничего подобного. Я определенно не пил... Эй, друзья, посмотрите-ка на стол!

– Если б у меня были с собой другие очки... – сказал Тотт, слегка пошатываясь и не отводя взгляда от потолка.

– Посмотрите на стол, – повторил Витервокс, показывая на что-то пальцем.

Стакан, в котором была его выпивка, оказался пустым. В стакане Тотта все еще осталось около половины порции. Стакан миссис Джонас упал на стол, и с края его стекали капли коктейля «Президенте» – они образовали маленькую розоватую лужицу величиной с детскую ладошку.

Когда прочие собеседники посмотрели туда, куда указывал Витервокс, они обнаружили, что от этой лужицы к дальнему краю стола вели маленькие влажные следы; потом линия внезапно обрывалась. Следы были круглые, каждый размером с десятицентовую монету, а передние края у них казались зазубренными, как будто...

Аметист в наследство

– Мы неплохо управились со шведами, когда они захватили Борнхольм триста лет назад, – сказал коренастый мужчина, одним глотком осушив стаканчик шерри-бренди и пододвинув опустевший сосуд к мистеру Коэну. – Нам пришлось их всех перебить за одну ночь. Пока мы этим занимались, некоторые из наших забрались в церковь и звонили во все колокола, чтобы души всех шведов вознеслись к небесам под музыку. Несколько часов они дергали за веревки, хотя эта работа была очень тяжелой и ребята порядком подустали.

Вторая порция шерри-бренди последовала за первой. Профессор Тотт осмотрел лысый череп посетителя, окруженный венчиком выцветших волос, и произнес глубокомысленно:

– Кажется мне, что вы, датчане – чрезвычайно чувствительные люди.

– Истинно так, – ответил коренастый мужчина. Все его лицо было покрыто сеткой мелких красных сосудов. – Но для нас это не всегда... как говорят англичане... «праздные увлечения»... Помнится мне...

Дверь открылась, и посетитель умолк; в бар Гавагана вошел высокий, худой, жилистый полицейский, которого сопровождал маленький востроглазый человечек в опрятном синем шерстяном костюме. Полицейский поверх стойки протянул руку мистеру Коэну, который радостно приветствовал гостя.

– Как поживаешь, Джулиус?

– А ты как, мой мальчик? – Потом полицейский обернулся к посетителям. – Привет, профессор, – сказал он Тотту. – Познакомьтесь с моим другом, мистером Макклинтоком.

Последовали приветствия и рукопожатия. Тотт сказал:

– Это – капитан Аксель Эвальдт, из датского торгового флота, это офицер Коэн и мистер Макклинток. Что ж, еще по одной? Он только что рассказал историю, подтверждающую, насколько сентиментальны датчане. Сделайте мне виски с содой и льдом, мистер Коэн.

– Просто херес, – сказал Макклинток. – Да, датчане – люди высоких нравственных принципов. Они совершают преступлений меньше, чем представители любой другой европейской нации.

Капитан Эвальдт просиял; патрульный Коэн пояснил:

– Мистер Макклинток занимается рассказами о преступлениях. Он только что выступал в «Клубе юных полицейских». Он – эксперт.

– Я часто размышлял, как можно стать экспертом по части преступлений, – произнес профессор Тотт.

– В моем случае все дело в тесном личном общении, – сказал Макклинток. – Я в самом деле не прочь вам об этом рассказать, ничего страшного... Пока на меня не снизошло благословение Божие, я занимался преступной деятельностью. Название моей лекции «Преступление не приносит выгоды», и я счастлив заметить, что мои усилия не пропали втуне.

Патрульный Коэн заметил:

– У него была кличка Диппи Луи. Он был вором-леваком, мог собаку поцеловать.

Профессор Тотт оглядел Диппи Луи с вежливым интересом, а Эвальдт сказал:

– Немного шнапса, мистер Коэн. От этого хереса внутри как-то прохладно, а мужчине нужно согреться. – Он обернулся к офицеру: – Будьте добры, объясните. Я не совсем понимаю...

– «Левак» может с помощью особого крюка обчистить лоха – прошу прощения, вытащить бумажник из левого кармана мужских брюк. А «поцеловать собаку» означает, что он мог это сделать, стоя лицом к лицу с жертвой.

– Очень высокая квалификация, – сказал Макклинток. – Ах, друзья мои, если бы на служение человечеству тратили столько усилий и средств, сколько на преступную деятельность, то мы не были бы...

Тотт поспешил вмешаться:

– Вы собирались поведать нам о великодушии датчан, капитан Эвальдт.

– Да, верно, – сказал капитан. – Я как сейчас помню: был я в городе Бостоне в день святого Патрика, пошел в док по своим делам. Вдруг появляется этот здоровый ирландец, и всякому видать, что он слишком много выпил, и потому как я не какой-нибудь зеленый юнец, чтобы уступать ему дорогу, – он меня толкнул. Один раз еще ничего, но во второй раз я уж не стерпел и толкнул его в воду – кулаком. Но, по правде сказать, это пошло ему на пользу, потому что, если б я так не поступил, он упал бы в воду в темноте и утонул, ведь ближе к ночи ему никто бы уже не сумел помочь.

Мистер Коэн издал какой-то неясный звук, а Макклинток спросил:

– Почему вы так в этом уверены?

– Еще шнапса, пожалуйста. Ну, ведь было раннее утро, а он пил бы весь день, и всякому известно: ирландец не может пить весь день и не упасть под вечер.

Полицейский Коэн что-то пробормотал; мистер Коэн положил обе руки на стойку бара и произнес:

– Так вы хотите сказать, что какие-нибудь шведы управляют с выпивкой лучше, чем ирландцы, которые на ней выросли? Надо же...

– Я не швед, – ответил Эвальдт, – просто добрый датчанин. И я вам скажу, что вырос на острове Борнхольм и могу выпить втрое больше всякого ирландца.

– Вы готовы поспорить на пять долларов, прямо сейчас? – раздраженно поинтересовался мистер Коэн.

– Это слишком мало. За пять долларов я даже не смогу купить себе шнапса.

– Много о себе понимаете, не так ли? – сказал мистер Коэн. – Я теперь вижу, что вы, наверное, настоящий артист по части выпивки. – Полицейский Коэн захихикал, услышав это саркастическое замечание, а мистер Коэн продолжал: – Не то чтобы этим кто-нибудь стал гордиться. Но если вы так много уделяете этому внимания, может, вам понравится маленькое состязание на двадцать пять долларов? Проигравший платит по счету.

В голове Эвальдта, казалось, закрутились шестеренки.

– Согласен, – произнес он. – Вы выпьете со мной?

– Не я, мой дорогой юный друг, – сказал мистер Коэн. – Мне нужно следить за баром и за всем прочим, а это будет стоить мне головы, если Гаваган войдет и обнаружит, что я пью наш товар. Но здесь Диппи Луи, у него в жилах течет немало нашей крови, и я не раз видел, сколько он может выпить.

– Да, это стало причиной моего падения и моей преступной жизни, – сказал Макклинток. – Но я, бесспорно, наделен особой способностью к поглощению напитков. Дело в том, что мои предки прибыли из Голуэя, где дует такой холодный ветер, что если человек выпьет воды, а потом выйдет за дверь – то он в мгновение ока превратится в ледышку.

– Я не хочу, чтобы вы снова пошли по дурной дорожке, – сказал Эвальдт.

Полицейский Коэн произнес:

– Вы не повредите Луи Макклинтоку, который перепил чемпиона Богемии на вечеринке водителей грузовиков. И кроме того, я здесь. Я смогу проследить, чтобы он благополучно добрался домой.

Макклинток решительно протянул руку и сжал ладонь Эвальдта.

– За честь старого Эрина, – заявил он. – Двадцать пять долларов; проигравший платит по счету. Что мы будем пить?

– Какой-нибудь шнапс. Мне это безразлично.

Мистер Коэн выставил на стойку бутылку ирландского виски, достал пару стаканов для скотча с содовой и заполнил их наполовину, тщательно следя за уровнем жидкости.

– *Skaall*, – произнес Эвальдт и опустошил стакан, как будто маленькую стопку. Макклинток проглотил свою порцию медленнее, задержав напиток во рту и насладившись вкусом, прежде чем проглотить. Потом он заметил:

– От такого будешь держать хвост пистолетом! Наполните их снова, мистер Коэн.

Тотт сказал:

– Думаю, справедливость требует, чтобы мы делали небольшие паузы для... эээ... преодоления шокового эффекта. Мистер Макклинток, надеюсь, вы не сочтете нескромным мой вопрос: что заставило вас сменить профессию?

– Образование, – сказал Макклинток. – Образование и милость Божья. Я прошел заочные курсы по написанию рассказов, пока сидел в Дэнмуре. – Он потянулся к стакану, который мистер Коэн снова наполнил. – Ах, Эрин! – Оба Коэна одобрительно кивнули, и Тотт поднял свой стакан, поддерживая тост. Эвальдт осушил свою порцию глазом не моргнув, постучал ногтем по стакану и придвинул его к мистеру Коэну. Бармен сходил в чулан за новой бутылкой виски и наполнил стаканы уже в третий раз.

Эвальдт просиял.

– В моей стране, – сказал он, – принято пить не за страну, а за всех милых девочек. Сейчас я выпил с вами за вашу страну, а вы выпьете со мной за всех милых девочек в Дании. *Skaall!*

Третья порция виски последовала за двумя предыдущими с той же легкостью, в одно движение. Макклинток снова потратил чуть больше времени. Он наморщил лоб и, казалось, о чем-то серьезно призадумался.

– Это был тюремный капеллан, Боже благослови его душу, – сказал он. – Он объяснил мне, что прибыль от преступной деятельности не... не равна потраченным усилиям. Он заставил меня увидеть, он сказал мне, что... – Макклинток отвернулся от собравшихся и громко рыгнул.

Полицейский Коэн внимательно посмотрел на него, затем обратился к остальным и быстро заговорил:

– Я когда-нибудь рассказывал вам о том, как разыскивал жену? Я нашел ее, а она прямо-таки спятила. Она ведь сбежала от меня и говорила, что я же во всем и виноват. Это было... – Он положил руку на плечо Макклинтока, но Диппи стряхнул ее.

– Я в порядке, – сказал он. – Наполняйте стаканы.

– Вам не нужно пить так быстро, – ровным голосом заметил Эвальдт. – Именно так человек – как вы сказали? – напивается, если он не датчанин.

– Говорю вам, я в порядке, – сказал Макклинток, – и я знаю, как быстро могу все проглотить. Наполняйте стаканы, мистер Коэн.

Мистер Коэн согласился. Последние капли вытекли из второй бутылки виски, когда бармен разливал следующую порцию; ему пришлось открыть третью бутылку.

Профессор Тотт заметил:

– Фактически в словах капитана есть некоторый смысл, хотя причина все-таки в другом. Все дело в разжижении, в неспособности организма поглощать жидкость в любой форме. Будьте любезны, смешайте мне еще один «Манхэттен», мистер Коэн.

– «Манхэттен»? – переспросил Эвальдт. – Я их помню; они хороши. Будьте так добры, сделайте и мне один. – Он обернулся к Макклинтоку с милой улыбкой. – Это – не в счет состязания, просто добавка для удовольствия. Но вы правы, господин профессор; мне надо привести себя в порядок.

Он направился в сторону туалета, но тут его остановил Макклинток:

– Эй, вот этого не надо! Я видел, как один такой тянул время, когда я пил с тремя Стрэнханами в Чи.

– Почему бы вам не пойти вместе? – спросил Тотт. – С полицейским Коэном, который проследит, чтобы не было нечестной игры. В конце концов, он представляет закон и его беспристрастие можно доверять.

Когда все трое удалились, профессор обратился к мистеру Коэну:

– Мне, конечно, очень неприятно это говорить, но, кажется, ваш друг Диппи Луи начинает трещать по швам.

– Не верьте глазам своим, – сказал мистер Коэн. – Вспомните, как Финн Маккул повстречал шотландского великана, а его жена испекла сковородку в пироге. Таковы уж его приемы. Не хотите ли заключить пари, что он свалит этого шведа под стойку раньше, чем упадет сам?

– Доллар, – сказал Тотт, и они обменялись рукопожатием через стойку бара; трое посетителей вернулись и обнаружили, что «Манхэттен» и стаканы с виски выстроены в ряд и ждут их. Эвальдт справился со своей порцией так же быстро, как прежде, затем подхватил «Манхэттен» и начал медленно потягивать его. Он заметил Макклинтоку:

– Вы неплохо пьете для ирландца. Я поднимаю бокал за вас. Хоп, Эйре!

«Манхэттен» последовал за виски. Казалось, в горле у Макклинтока что-то застряло, когда он осушал очередной стакан. Полицейский Коэн посмотрел на него обеспокоенно, а мистер Коэн – вопросительно, но Эвальдт просто показал жестом, что требует снова наполнить оба стакана. Макклинток пристально разглядывал свою порцию виски, во взгляде его смешались ужас и восторг, потом он нервно сглотнул и начал потягивать напиток; его кадык судорожно дергался. Эвальдт все так же легко управился с очередным стаканом и приподнял «Манхэттен».

– За это я заплачу, – сказал он.

Макклинток заговорил:

– Это он дал мне работу, верно вам говорю. У меня было несколько кусков, да, несколько скачков, но... запомните мои слова, друзья, *преступление не приносит дохода*.

– Никогда не думал, что доживу до этого дня, – сказал полицейский Коэн. – Полторы бутылки на брата. Луи, вы – гордость нашего народа.

– Это верно, – заметил Эвальдт. – После датчан поляки – самые лучшие выпивохи. Теперь давайте возьмем что-нибудь другое; в первый-то раз выбирали вы. Мистер Коэн, у вас есть русская водка?

– Не, это не для меня, – сказал Макклинток. – Не для меня. – Он торжественно посмотрел на Тотта, дважды подмигнул и произнес: – Вы правы, профессор. Нужно время для шока... фекта. Думаю, мне... надо минуту посидеть до следующего раунда.

Он сделал четыре или пять шагов по направлению к одному из столов и тяжело опустился на скамью, глядя прямо перед собой. Эвальдт, на которого выпитое не оказало никакого воздействия (только нос покраснел), заявил:

– Итак, я победил, и мне должны заплатить.

– Еще нет, – ответил полицейский Коэн. – Он не сдался, просто отдыхает между раундами. Он вернется. – Правда, особенной убежденности в его голосе не слышалось.

– Это самая изумительная вещь, которую я когда-либо видел, – сказал Тотт, глядя на Эвальдта с ужасом и завистью. – Жаль, что у меня нет ваших способностей; они бы мнегодились на встречах выпускников.

– А, не мне бы об этом говорить... – произнес мистер Коэн, наливая водку, на сей раз в обычный стакан. – Но меня учили, что так смешивать напитки – не слишком полезно.

– Скажите мне, капитан, – поинтересовался Тотт, – как вы это делаете? Есть какой-то особый курс обучения или что-то вроде?

Эвальдт проглотил свою водку.

– Все потому, что я датчанин. В моей стране никто не напивается допьяна, кроме глупых молодых людей, которые бродят по эспланаде и начищают ботинки в субботу вечером, прежде

чем приставать к девочкам, но я слишком стар для этого. Но некоторые датчане лучше справляются с выпивкой, чем другие. У нас в Дании говорят, что лучшие – те, которые получили от своих предков *aedelstanar*... как это сказать?... аметисты. Вот так-то.

Он потянулся за цепочкой для часов и вытащил ее из кармана жилета. Вместо перочинного ножа, кольца с ключами или какого-нибудь сувенира на конце цепи висел большой, ярко-красного цвета камень в старомодной золотой оправе.

– В старые времена, шестьсот лет назад, – продолжал Эвальдт, – их было много. Они служили защитой против пьянства, их опускали в кубки с вином, и чаще всего они принадлежали епископам; легко догадаться, почему в церкви все отличаются трезвостью.

Тотт внимательно осмотрел камень.

– Интересно. Широко распространенная в Средневековье идея; само слово «аметист» означает «не-пьянство», знаете ли. Вы получили свой от епископа?

Эвальдт убрал камень в карман и рассмеялся:

– Нет, он перешел мне по наследству от самого Тихо Браге, который был астрономом и даже якобы волшебником. Но, конечно, все это – суеверие, как и его магические трюки, и я в это не верю.

Он обернулся и тут же столкнулся с Макклинтоком, который возвратился к бару и, опершись одним локтем о стойку, начал разглядывать чучело совы.

– Как теперь дела, друг мой? Еще понемногу?

– Пока кто-то не выиграет или не свалится... – пробормотал измученный чемпион старого Эйре.

Полицейский Коэн сурово посмотрел на него.

– Послушай, Луи, – сказал он. – Ты не на скачках играешь...

Он умолк, услышав сдавленный стон Эвальдта; все прочие тоже обернулись посмотреть на капитана, которого, казалось, всего перекоरेжило. На лбу у него выступил пот, и тонкая сеть красных прожилок слилась в одно большое пятно.

– *Поберегись!* – произнес он, попытавшись одной ногой отыскать опору в нижней части стойки. Он оступился, нога повисла; казалось, она была не тверже ваты. Капитан Эвальдт начал крениться на правый борт, попытался ухватиться за край стойки, не удержался и рухнул вниз.

Когда Тотт и полицейский Коэн наклонились, чтобы поднять его, Диппи Луи Макклинток внезапно вцепился в руку своего конвоира.

– Джулиус! – завопил он, и Тотт увидел, что большая слеза потекла по его щеке. – Ты должен был остановить меня! Ты знаешь, что, когда я пью, я просто не могу противиться искушению! Не говори никому, что я сделал это, пожалуйста, иначе я потеряю свою работу на рыбном рынке и не смогу больше читать лекции о преступности. Вот возьми это и верни ему.

Он протянул полицейскому Коэну аметист, отделенный от цепи, затолкал камень в руку своего спутника, затем, в свою очередь, содрогнулся, попытался ухватиться за стойку и упал на пол рядом с Эвальдтом.

– Я получаю доллар, – сказал мистер Коэн. – Швед лежит под стойкой.

Путци, сюда!

Блондинка, сидевшая за столиком, смерила взглядом мускулистого молодого человека, вошедшего в бар Гавагана.

– Привет, мистер Джефферс, – сказала она.

Мускулистый юноша ответил:

– Привет, миссис Джонас. Пиво, пожалуйста, мистер Коэн. – Усевшись на табурет у стойки, он повернул голову и спросил: – Ждете профессора?

– Верно. Он, должно быть, позабыл, что пригласил меня на свидание, и вернулся к грудам книг в библиотеку колледжа, разложил на полу полдюжины томов и начал какие-то исследования. Вот так и поступают мужчины!

Мистер Коэн особой палочкой стряхнул пену, нависшую над краем кружки мистера Джефферса, и подтолкнул заказ к посетителю. За спиной у него отворилась дверь дамской комнаты. Оттуда вышла внушительных размеров женщина, приближавшаяся к сорока пяти (это касалось и возраста, и талии), в мягкой шляпе и золотом пенсне, висевшем посреди несколько воинственного лица. В одной руке она держала чемодан; в другой – более массивный и округлый мешок, прикрытый плотной тканью. Женщина села за стол рядом с миссис Джонас и проговорила:

– Пожалуйста, токайского. Мне нужна бутылка.

Мистер Коэн вышел из-за стойки, поставил перед гостьей бокал и показал бутылку, которую женщина, прищурившись, осмотрела сквозь пенсне.

– Шесть *puttonos*; это хорошо. Можете наливать.

Когда мистер Коэн с громким хлопком вытащил пробку, амазонка обратилась к миссис Джонас.

– У многих случаются неприятности с мужчинами, – заметила она, – но любой, кто решит, будто мне легче, чем другим, – просто невежда.

– Тссс... – прошептала миссис Джонас. – Вы напугаете мистера Джефферса так, что он будет всю оставшуюся жизнь сторониться женщин, а он – один из самых достойных холостяков в округе. Я держу его на крючке.

– О, не знаю... – начал мистер Джефферс.

Крупная женщина качнулась к мистеру Коэну – ему показалось, что опустился разводной мост.

– Вы должны рассказать ей, какие у меня неприятности с моим мужем, моим Путци, – решительно заявила она.

На лице мистера Коэна отразилась такая же решимость, как на лице его клиентки.

– Поймите, госпожа Вакареску, – сказал он, – это свободная страна, и если вы хотите побеседовать о своих неприятностях, я не могу вам помешать. Но я не стану говорить о таких вещах у Гавагана, Богом клянусь, потому что, во-первых, это плохо для бизнеса; и во-вторых, отец Макконахи заставит меня покаяться. И я предупреждаю вас, что ваш муж может приходить сюда и пить пиво, как и все прочие, но собак мы в баре Гавагана не обслуживаем.

Госпожу Вакареску, казалось, это не остановило.

– Я заплачу за бутылку токайского и для него, – сказала она, сделав большой глоток. – Но дело все в том, что он не выйдет отсюда, пока темно. И я знаю, куда он ходит по ночам, когда не собирается *Sangerbund*.

Мистер Джефферс произнес:

– Я ничего не понимаю. Почему ваш муж не может выйти из бара Гавагана, пока темно? Он же не может тут остаться на всю ночь, не так ли?

Госпожа Вакареску одарила его взглядом, исполненным жгучего презрения:

– Потому что он мой Путци, и на сей раз он не сможет испортить мне отпуск, как обычно. Ночью он выходит отсюда, он бежит с какой-то сукой...

Миссис Джонас содрогнулась; мистер Джефферс прочистил горло.

– ...а наутро у меня снова с ним проблемы. – Госпожа Вакареску плеснула себе еще токайского и осмотрела слушателей. Мистер Коэн вышел из-за стойки со второй бутылкой вина и поставил ее на столик.

– Четыре доллара и двадцать центов, – произнес он.

Госпожа Вакареску открыла сумочку.

– Вы тоже должны меня понять... дорогая леди.

– Не думаю... – начала миссис Джонас довольно холодным тоном.

– Ах, вы думаете, что я – не леди, – сказала госпожа Вакареску, – из-за того, что я говорю, не так ли? Но мой друг мистер Коэн скажет вам, что все верно, я не позволяю себе никаких ругательств.

– У нас тут солидное заведение, – заявил мистер Коэн.

Миссис Джонас проговорила:

– Кажется, я чего-то не понимаю.

Госпожа Вакареску достала носовой платок, сильно пахнущий пачулями, и приложила его сначала к одному глазу, потом к другому.

– Это мой Путци, – сказала она. – Я все расскажу, и вы поймете. Не было мужчин, равных Путци, когда я впервые повстречалась с ним в Будапеште; он был сильный, красивый, высокий, как могучее дерево. Мы в то лето по воскресеньям устраивали пикники на островах близ Будапешта, и мы ели редиску и пили светлое пиво, и он рассказывал мне разные истории, и мы рвали цветы. Он обещал мне все, даже замок в Трансильвании, откуда он приехал, и мать сказала, что он – хороший молодой человек и мне следует выйти за него замуж. Но он не мог венчаться в церкви; ему нужна была церемония с *Amtmann*, это вроде местного мирового судьи. Моей матери это не нравилось, она говорила, что свадьба с *Amtmann* – дело нехорошее, и если Путци не хочет венчаться, то мне вообще не следует выходить за него.

Но это – любовь. (Госпожа Вакареску вздохнула, приложила руку к более чем внушительной груди и снова выпила вина.) И вот однажды я сбежала с Путци, и мы поженились у *Amtmann*, как он и предлагал. Сначала все шло прекрасно, только мы не устраивали больше пикников, потому что он говорил, что ему нужно сосредоточиться в воскресенье ближе к вечеру. Но он только и делал, что пил пиво и выглядывал из окна. А по ночам он вел себя очень забавно, ходил туда-сюда по комнате, и я не могла заставить его вечером сходить домой к моей матери, чтобы съесть штрудель и выпить кофе.

И это было только начало. Вы знаете, как это бывает, леди (она указала на миссис Джонас); эти мужчины, они будут обещать вам все, пока не добьются своего, а что с вами потом станет? Именно так случилось с Путци. Когда я его спрашивала, где же мой замок в Трансильвании, он брал меня за руку, тащил на кухню и говорил, что вот здесь – мой замок. Вы еще не знаете, на что способны мужчины. Ему не нравились колбаски, которые я готовила на обед, – бах! – и колбаски летели на пол. Ему не нравились некоторые мои подруги, которые заходили по вечерам на кофе со штруделем, и он говорил: «Вышвырни отсюда этих дур, пока они не сожрали все деньги, которые я заработал!» И это при них, заметьте. Когда я говорила, что они – мои подруги и вообще это не его дело, он надевал шляпу и уходил из дома, и больше я до утра его не видела.

По утрам он возвращался – очень милый, сладкий, как рождественский пирог, и он старался всячески мне угодить, и я понимала: что-то идет не так; подобное чувство возникает

всегда, когда муж пытается подлизаться к вам сильнее обычного. И я решила, что он, возможно, связался с какой-то женщиной, и в следующий раз, когда пришли мои приятельницы и он удалился, как и раньше, я начала выяснять, знает ли кто-нибудь, куда ходит Путци. Выяснить я смогла только одно – он шел в *Kettler's Bierstube*, полночи пил там пиво, а потом снова ушел. И каждый раз по утрам он приходил не совсем трезвым, но все-таки пытался ластиться ко мне.

Он поступал так раз в неделю в течение нескольких месяцев, и я больше терпеть не могла. И однажды ночью я решила, что я запру дверь и не пущу обратно этого гадкого бездельника.

Я пошла запирать дверь, но когда я шла по коридору, передо мной появилась такса. Это была упитанная, хорошая собака. И хотя я этой таксы прежде не видела, но сразу заметила, что собаке я нравлюсь, потому что она встала на задние лапы и попыталась облизать мне руку, а когда я попыталась выгнать животное, оно явно не захотело уходить.

Так что я решила, что если такса хочет стать моей таксой, то, может быть, пес окажется лучшим компаньоном, чем Путци. Я отыскала старый коврик, дала песику немного воды и несколько свиных хрящиков, оставшихся от обеда, а потом вернулась и заперла дверь.

Но когда я проснулась утром, рядом со мной в постели валялся мой пьяный дуролом – муж, храпевший, как паровоз. Я не могла ничего понять. Дверь была не просто заперта на замок, засов тоже остался на месте, а окна мы всегда закрывали, потому что ночной воздух очень вреден. Моя мать знала в Сегеде одну женщину, которая умерла, потому что не закрывала на ночь окна.

А когда я пошла на кухню, то не обнаружила никакой таксы. Единственное, что я смогла предположить, – когда мой муж явился домой, он выгнал собачку. Я спросила об этом своего увальня, когда он проснулся. Мне этого делать не следовало – он как будто язык проглотил. В общем, добилась я только того, что он приказал мне замолкнуть.

Мне не важно, кто со мной говорит – я подобного допустить не могу. (Госпожа Вакареску начала икать, но справилась с этой неприятностью, глотнув побольше токайского), так что я посоветовала ему заткнуть свою проклятую пасть, потому что я леди. Потом мы начали спорить, эта ссора продолжалась целый день, и Путци хлопнул дверью и сказал, что не вернется до тех пор, пока не пожелает этого. Но сначала он поужинал – ха! – можете поспорить, он всегда сначала набивал живот, а уж потом...

В общем, я уселась за шитье и сказала сама себе, что на этот раз с ним расправлюсь, и когда стало уже совсем поздно, я тщательно заперла все окна и закрыла дверь, но прежде, выйдя на крыльцо, снова увидела таксу. Только на сей раз с ней была другая такса, и легко было заметить, что вторая такса – сука. Моя такса пыталась провести в дом вторую, но та в дверь не вошла; в итоге я поступила с песиком так же, как в прошлый раз, накормила его, но поверите ли? – наутро в доме снова был Путци, а такса исчезла.

Тогда я начала задумываться, что же такое происходит. Как я вам говорила, мой муж приехал из Трансильвании. Вы знаете, в тех древних краях жили люди, которые по ночам превращались в волков и бегали повсюду. Итак, Путци – один из них, именно поэтому он не смог бы венчаться в церкви. Просто он не превращался ни в какого волка, он превращался в таксу. Когда Путци – мужчина, у него очень дурные манеры, а когда он – пес... ах! – у него манеры как у эрцгерцога!

Бесполезно расспрашивать его, как он это делал, потому что он только злился и начинал кричать на меня. Но как он превращается из собаки в человека... Что ж, об этом я случайно узнала. Все произошло неделю спустя, я выпила вечером немного шнапса, и проснулась рано утром, как раз перед рассветом, и увидела Путци, песика, который царапал дверь, желая выбраться наружу. Я выпустила его как раз тогда, когда рассвело – и вот передо мной стоял Путци, мой муж, с красными глазами и диким выражением лица, он дожевывал обои со стены. А вторая такса, сука, была на другой стороне улицы.

И тогда я поняла, что если луч солнечного света коснется его, когда он – Путци-пес, то он снова станет человеком. Но вдобавок я узнала и не очень хорошие новости: Путци-пес крутит пашни с этой сукой. Я не допущу, чтобы мой муж ходил налево, даже если речь идет не о людях... но что тут можно поделать? Я не могла заставить его оставаться дома по ночам, он меня не слушался. Так что я решила: если мы сможем уехать из Будапешта, то, может статься, превращений больше не будет. Я пошла к отцу, у него кое-какие *Schleppdampfern* — как вы их называете? — на реке, и немного денег, и я ему сказала, что нам нужно уехать в Америку.

Но вот мы сюда приехали, и здесь все то же самое, только хуже. Беда мне с этим мужчиной! Все, что он делал – ел, ел и ел и рычал, когда еду подавали с опозданием, а вечером он отправлялся в *Deutscher Sangerbund*, пил пиво и полночи пел песни с разными *Schwobs*. Он больше не превращался ни в какую таксу, и я очень об этом сожалела; но однажды ночью кто-то из *Sangerbund* привел их всех в бар Гавагана после *Söngerfest*. Точно так же Путци привык заходить в *Bierstube* Кетлера. И вот что произошло – было уже за полночь, я сидела дома и ждала мужа; тут кто-то начал царапаться в дверь, я отворила, и там был Путци-пес, такой хороший, такой нежный.

И вот теперь я собираюсь в отпуск – и я не хочу, чтобы он все испортил, чтобы он вел себя как Путци-человек. И он приходит сюда всякий раз, когда не собирается *Sangerbund*, и снова превращается в таксу и гоняется за суками. Но на сей раз – нет! Я заберу его с собой в этом мешке, и лучи солнца его не коснутся.

Госпожа Вакареску проглотила последние капли токайского. Бутылка опрокинулась, когда женщина попыталась поставить ее на стол, и с громким звоном скатилась на пол. Но в этот момент дверь распахнулась, как будто ее толкнула чья-то тяжелая рука. Казалось, снаружи никого не было, но прежде, чем мистер Коэн вышел из-за стойки и запер дверь, маленькая и очень жирная такса вбежала в бар, виляя хвостом так энергично, что сотрясилось все туловище. Песик бросился к госпоже Вакареску.

– Сюда, Путци! – закричала она и приподняла брезент на круглом мешке. Маленькая собака запрыгнула внутрь и с довольным видом устроилась там. Госпожа Вакареску опустила ткань и, тяжело дыша, вышла из бара Гавагана.

Сильное чувство

Мистер Джефферс обернулся.

– Привет, миссис Джонас, – сказал он. – Вы так чудесно выглядите сегодня вечером, что я с радостью угостил бы вас выпивкой.

– Спасибо, – сказала блондинка, осматривая дальнюю часть зала. – А разве Элвин еще не пришел? Тогда, пожалуйста. Мне больше всего на свете сейчас нужна хорошая выпивка. «Президенте», пожалуйста.

Она поставила ногу на перекладину у основания стойки.

– Что вы, что вы, миссис Джонас, – проговорил бармен. – Вы можете быть красивейшей женщиной в мире, можете пить «Президенте», но вы же знаете правила бара Гавагана. У нас респектабельное заведение, у нас есть столики для дам.

– Ну хорошо, – ответила блондинка. – Подойдите и сядьте рядом со мной, Пол. Я чувствую упадок сил, мне нужна компания.

– В чем проблема? – спросил Джефферс, пододвигая даме стул. – Последняя стадия похмелья или осложнения на любовном фронте?

– Не у меня, а у моих друзей. Вы знаете Стюартов? Энди частенько захаживал сюда. Он – тот самый рекламный агент, продает шипцы для орехов, воздушных змеев или что-то вроде того; я никогда не могла запомнить названия всех этих фирм, к тому же они все равно каждую неделю меняются.

Джефферс нахмурился:

– Я его знаю, да. Большой, солидный парень, похож на кинозвезду. Но я не припомню, чтобы хоть раз встречал его жену. Что с ними стряслось?

– Они разводятся, – сказала госпожа Джонас. – По крайней мере, так решила Бетти-Джо, и я не знаю, что еще ей остается делать, потому что он только что ушел от нее и теперь живет с женщиной – чемпионкой по борьбе. Это просто позор, ведь жена была так предана ему; и миссис... женщина, которая мне об этом написала... сообщает, что она по-прежнему его любит и хочет, чтобы он вернулся. Но я этого не понимаю, потому что он вел себя как сумасшедший, не выпускал ее из вида, пока не отправился в Чикаго, чтобы управлять там представительством своей фирмы. Интересно, что могло произойти. Но я полагаю, нам никогда не понять, что заставляет людей влюбляться друг в друга и что приводит к обратным последствиям. Прежде всего никто не мог понять, что Энди Стюарт нашел в Бетти-Джо. Она одевалась в какое-то грязное тряпье; она не умела готовить; и хотя она хороша собой, она – одна из самых скучных женщин, которых мне случалось видеть. А поженились они как-то ужасно быстро. Вот почему, вероятно, вы с ней и не знакомы.

– Если бы я ее увидел, то наверняка и сам бы решил, что она прелестна, – философски заметил Джефферс, потягивая пиво. – Платье с глубоким вырезом, несколько часов в косметическом кабинете – и любая женщина в наши дни станет похожа на царицу Савскую.

– Да, это помогает, – согласилась миссис Джонас, не без удовольствия поправив прическу. – Собираясь на свидание с Элвином сегодня вечером, я пошла в новое заведение и могу сказать, кажется, что они неплохо поработали. Вам, разумеется, это безразлично, но я была у мадам Лавуазен, на Аркад-стрит.

Стакан с громким звоном ударился об пол и разлетелся на мелкие осколки. Джефферс и миссис Джонас обернулись и увидели, что невысокая девушка в сером платье, с волосами, зачесанными назад, поспешно поднялась со стула, а мистер Коэн поспешил за шваброй, чтобы убрать с пола.

– Я ужасно сожалею, – сказала девушка. – Но я не смогла сдержаться, услышав ваши слова. Про мадам Лавуазен. И вам не следует туда ходить, пожалуйста, не ходите туда больше. Если, конечно, вы собираетесь на свидание с женщиной. Поверьте мне.

– Не понимаю, почему... – слегка высокомерно ответила миссис Джонас.

– Потому что именно это и произошло с Бетти-Джо Стюарт. Я тоже была с ней знакома. – Девушка коснулась запястья миссис Джонас пальцем, на котором блестел свадебный перстень с алмазом. – И я боюсь, что это случится и со мной.

– Если вы объясните... – проговорила миссис Джонас.

– Да, – поддержал ее Джефферс. – Может, присядете и выпьете с нами?

– Можно мне еще «Президенте»? – спросила миссис Джонас. – Если Элвин опоздает, он заслуживает того, чтобы я тут немного согрелась без него.

Девушка поправила платье и села за столик.

– Хорошо, – сказала она. – Виски-сауэр.

– Да, хорошо – продолжала она, – я вам расскажу. Но вы должны мне пообещать, что ни единого слова ни одной живой душе не скажете. Вы оба. Мне будет очень плохо, если люди обо всем узнают и начнут говорить.

Мое имя – Элоиза Грэди. Я знала Бетти-Джо Стюарт очень хорошо, еще до ее замужества. Я даже училась с ней в колледже, и она была именно такой, как вы говорили. Она милая, и с ней легко ужиться, но эффектной ее назвать было нельзя, и по части внешности ей не очень много досталось. На самом деле сдружились мы просто потому, что были двумя самыми незаметными девушками в женском общежитии и нас никто никогда не приглашал на свидания. Нет (сказала она Джефферсу), не надо мне говорить, какая я красивая и обаятельная. Я точно знаю, как я выгляжу. И почему.

Получив дипломы, мы приехали сюда, но я некоторое время не виделась с Бетти-Джо и чертовски удивилась, когда получила приглашение на ее свадьбу. Я подумала, что она, должно быть, отыскала какого-нибудь старого вдовца, которому просто требовалась нянька для его детей. Но когда я пришла на свадьбу, то удивилась еще сильнее, чем тогда, когда получила приглашение. Торжество состоялось в доме его родителей. Все вокруг было усыпано деньгами, и все казались ужасно солидными. Но больше всего поразил меня сам Энди Стюарт. Это был последний человек в мире, который мог бы влюбиться в гадкого утенка вроде Бетти-Джо. И она не превратилась ни в какого лебедя. Однако он не отрывал от нее взгляда, как если бы она была прекраснейшим существом на земле.

После свадьбы она довольно редко приглашала меня домой, только на званые обеды или на коктейль. Я сначала подумала, что она просто торжествует, заполучив такой куш, и хочет посмеяться надо мной. Но ничего подобного. Она всего лишь хотела поговорить, зачастую она казалась очень взволнованной, и я не могла понять, почему. Никаких причин для этого не было. Энди оставался верен ей и давал ей все, чего она могла пожелать.

(«А разве женская интуиция вам никак не помогла?» – спросил Джефферс.)

Не в этот раз. За такую нелепую шутку можете купить мне еще одну порцию виски-сауэр (сказала Элоиза Грэди). Единственный раз, когда у них случилось нечто вроде ссоры – в первую зиму после свадьбы; он хотел повезти ее во Флориду на несколько недель, а она хотела остаться дома. Она, разумеется, настояла на своем. Но после этого, казалось, она волновалась сильнее обычного. На следующий день она пригласила меня на коктейль, и мне довольно долго пришлось ее выслушивать. Всё о том, что нужно быть деловой девушкой. Вы понимаете, я тогда решила остаться в одиночестве, и мне такая жизнь даже нравилась. Все свидания, на которые

я ходила, были неудачными – с мужчинами, которые явно не преуспевали. Но Бетти-Джо не сказала мне тогда, что ее беспокоило.

И она просто осталась дома. Энди хотел отправиться на лыжный карнавал в Лэйк-Плейсид, и она наконец позволила ему поехать без нее. И следующим летом, когда он захотел снять дом в Саутпорте на несколько месяцев, чтобы проводить там уикенды, она тоже его не сопровождала. Наконец над ней стали посмеиваться – какая городская мышь... Но больше, в общем-то, ничего не происходило – до той вечеринки в октябре.

Я называю эту вечеринку октябрьской, потому что это событие для меня было очень важным. Именно тогда я повстречала Уолтера – моего мужа, Уолтера Грэди. Вы верите в любовь с первого взгляда, миссис... вы мне сказали, как вас зовут?... миссис Джонас? Я никогда не верила, но как только я повстречала Уолтера, то поняла: передо мной тот самый мужчина, за которого я хотела бы выйти замуж. Но я поняла и то, что у меня нет ни единого шанса. Он пришел с этой немецкой девицей, с блондиночкой Рейншлосс. Вы, может, ее встречали? Она потом выиграла конкурс красоты и уехала в Голливуд, став «светской львицей». И было очевидно, что ей он тоже нравился.

Я, может, об этом и проболталась на вечеринке – не знаю... Но так или иначе, возможно, через пару дней, завтракая с Бетти-Джо, я решилась поговорить с ней о своей беде. Мы выпили несколько коктейлей до завтрака, а потом и бренди, и полагаю, выпивка на нас как-то повлияла. Я думаю, что я и впрямь ей рассказала, что разочаровалась в одиночестве и все такое прочее. Если бы я заполучила Уолтера, мне больше ничего в жизни не было бы надо. И это правда... это правда. Я и до сих пор так думаю. Только...

(Элоиза Грэди выпила и посмотрела на соседей.)

Я помню, что она внимательно оглядела меня и потом очень спокойно, как будто вообще ничего не пила, проговорила:

«Ты и впрямь хочешь его настолько, что готова поступить так же, как я?»

«Ты о чем говоришь?» – спросила я.

«О... отказаться от путешествий и... еще много вещей».

Я все еще ничего не понимала, но была слишком возбуждена, чтобы проявлять любопытство. Я просто ответила: «Да, я очень сильно хочу его».

«Хорошо, – ответила она, – Барнарды дают званый обед на следующей неделе, и я знаю, что Уолтер придет. Я заставлю их пригласить тебя. Но прежде чем ты к ним придешь, обязательно сходи к мадам Лавуазен на косметические процедуры. Скажи ей, что тебя направила я и что ты идешь на свидание с мужчиной».

Я почувствовала разочарование. Знаете, как будто я собиралась нырнуть на огромную глубину, а на деле всего лишь зашла в воду по щиколотку. Но я сделала, как она сказала. Я приняла приглашение, и я пошла к мадам Лавуазен. Не могу сказать, что это место произвело на меня сильное впечатление.

– И что же там было не так? – спросила миссис Джонас. – Мне заведение показалось вполне приличным.

– Разве вам не показалось потом, что это место было несколько убогим? Когда вы прямо смотрели на какую-то вещь, она выглядела и чистой, и аккуратной, но всегда сохранялось ощущение: что-то здесь явно не так, что-то не в порядке.

– Ну, вроде того... Когда я туда только вошла... – согласилась миссис Джонас. – И еще мне не понравилась эта регистраторша.

– Та дама с большим черным котом, все время сидевшим рядом с ней на стуле? – уточнила Элоиза Грэди. Она обратилась к Джефферсу. – Она неплохо одета и все такое, но у нее какие-то странные зубы.

– Да, – сказала миссис Джонас, – и клыки очень острые и длинные. Я полагала, что девушка, работающая в подобном косметическом кабинете, могла бы и получше следить за своими зубами. Я хочу еще один «Президенте».

Элоиза Грэди вздохнула.

Ну, тогда мне не стоит больше вам об этой девице рассказывать (продолжала она). И еще о самой мадам Лавуазен. У нее очень черные волосы, и выглядит она примерно лет на тридцать – так кажется с первого взгляда, потом я пришла к выводу, что она гораздо старше, просто очень тщательно следит за собой. Регистраторша сказала, что хозяйка занимается только с постоянными клиентами, но я сообщила, что мне нужно срочно пройти процедуры и что меня послала Бетти-Джо Стюарт.

Мадам Лавуазен вышла ко мне.

– Все дело в... свидании с мужчиной? – спросила она.

Я подумала, что это очень странно, но сказала «да», и она отвела меня в одну из кабинок. В процедурах не было ничего необычного, за исключением того, что посреди сеанса булавка на ее платье оцарапала мне руку, даже выступила капелька крови.

(«Надо же, и со мной случилось то же самое! – воскликнула миссис Джонас. – Только я пошла туда по записи».)

Да, я знаю (сказала Элоиза Грэди). Вот почему я сказала... – ну, в общем, закончив с моими волосами, она заявила: «Думаю, что вам понравится то, что получилось. Если процедуры приведут к желательному результату – надеюсь, вы к нам еще вернетесь. В дальнейшем вам придется еще не раз проводить процедуры».

Надо сказать, что результаты оказались гораздо серьезнее тех, на которые я могла надеяться. Я немного опоздала к Барнардам. Уолтер уже был там вместе с девицей Рейншлосс, и они беседовали и пили коктейли. Он обернулся, чтобы поздороваться. Тут мне показалось, что Уолтер поперхнулся; потом он еще раз посмотрел на меня, я говорила какие-то незначущие слова, и несколько минут спустя он обо всем позабыл, сел возле меня и так и сидел. Это было чудесно. Это походило на какое-то волшебство. Он ни на кого больше не смотрел и ни с кем больше не разговаривал – весь вечер напролет. Девица Рейншлосс разозлилась. Уолтер позволил на следующее утро, чтобы пригласить меня на карнавал на льду.

Естественно, перед свиданием я пошла к мадам Лавуазен. Она была очень осторожна и не задавала никаких вопросов, когда я сообщила, что собираюсь снова встретиться с тем же самым мужчиной. Я прошла тот же курс, что и раньше, а после процедур мадам сказала: «Мои особые клиенты обычно возвращаются». Я действительно приходила снова и снова – всякий раз перед свиданием с Уолтером; а ведь наши встречи становились все более частыми. Примерно шесть недель спустя он предложил мне выйти за него замуж.

Я сказала об этом мадам Лавуазен и сообщила, что не приду в течение некоторого времени, потому что Уолтер хотел провести медовый месяц в круизе по Карибскому морю. Я тогда же заявила, что совершенно уверена – именно ее косметические процедуры стали причиной моего счастья, я поблагодарила мадам и дала ей довольно большие чаевые. Но она вовсе не обрадовалась – скорее встревожилась. «Моей косметики хватит, может быть, на три недели, – сказала она. – Но потом...» – и больше я ничего не смогла от нее добиться. Тогда я и сама начала волноваться, я не могла даже объяснить, почему. Я поняла, что испытала Бетти-Джо и о чем она хотела мне рассказать. Но я не могла ни с кем поделиться – сказать мне было в

самом деле нечего. Но я постаралась убедить Уолтера сократить наше путешествие – и сделать медовый месяц двухнедельным.

После того как мы вернулись, я продолжала убеждать себя, что это абсурд, что такого разительного результата добиться просто нельзя. Один раз я не ходила к мадам Лавуазен почти три недели. К концу этого срока Уолтер начал спрашивать, здорова ли я, а потом стал как-то странно меня разглядывать. И я вернулась в салон. Когда я села в кресло, мадам Лавуазен сказала лишь одно: «Вам не следует пренебрегать своей внешностью, моя дорогая. Мужчины всегда хотят, чтобы их жены выглядели очаровательно – так же, как до свадьбы». И я продолжала посещать салон.

А потом была вечеринка по случаю дня рождения Бетти-Джо. Собралось очень много людей. После обеда, за кофе, Энди встал и произнес небольшую речь. Он сказал, что хотел устроить сюрприз – вечеринка не только праздничная, но и прощальная. В агентстве его сделали директором чикагского представительства. Но прежде чем он примет дела, ему предоставили отпуск на четыре месяца. И он столько времени уделял внимание не только своей жене, но и всем нам – а теперь хочет на некоторое время остаться с ней наедине. И он решил, что они проведут отпуск в домике на Таити.

Он положил билеты возле тарелки Бетти-Джо. Все аплодировали, но она казалась такой бледной, будто собиралась упасть в обморок. Я оказалась единственным человеком, понимавшим причину ее волнения. И я – одна из немногих, понимающих, что с ними теперь произошло. И я беспокоюсь о себе: Уолтер поговаривает о путешествии в Европу. Вы понимаете?

К столику подошел мальчишка-официант.

– У телефона профессор Тотт, – сказал он. – Он говорит, что ужасно сожалеет, но опаздывает, потому что в колледже была встреча с попечителями; он очень скоро придет. Хотите с ним поговорить?

– Нет, – сказала миссис Джонас. – Не сейчас. Скажите ему, что я тоже очень сожалею, но чувствую себя не очень хорошо и поэтому пойду домой. Мы с ним встретимся попозже.

Миссис Джонас встала.

– Спасибо, – сказала она Элоизе Грэди. А затем поспешно удалилась.

Твари из бурбона

Мистер Гросс – все две сотни фунтов – навис над баром так, что значительная часть его живота уперлась в стойку, и произнес:

– Мистер *Ко-ган*, нынче вечером мне хочется разнообразия. Как насчет «Желтой гремучки»?

Высокий, мрачного вида мужчина заметил:

– Вам лучше быть поосторожнее. Такие странные напитки доведут вас до белой горячки.

– Нет, не быстрее, чем все прочие, – сказал бармен, смешивая коктейль. – Все зависит от того, насколько вы к ним привыкли. Забавно, что вы сейчас упомянули о б. г. в связи с «Желтой гремучкой», мистер Виллисон. Последний раз я смешивал здесь такой коктейль для мистера Ван Неста, бедного юноши. За ним, по его словам, гнались звери, и ему нужно было выпить. Но когда он сюда вошел, то показался мне совершенно трезвым. Пока человек может держаться на ногах и вести себя прилично – он может выпить в баре Гавагана.

– Ага, это просто стыд и позор, если человек выпьет столько, что дойдет до б. г., – сказал Гросс. – У меня был племянник, который знал одного такого. Он отрезал себе один палец на ноге разделочным ножом, заявив, что его укусила ядовитая змея. Но этот парень был просто запойным пьяницей.

– Кэмпбелл Ван Нест не был запойным пьяницей, – сообщил Виллисон. – Просто одинокий парень. Хотя он не мог не запить после того, как все эти звери начали оживать и гоняться за ним.

– Ух ты! – пробормотал мистер Витервокс, едва не подавившись оливкой из martin. – Какие звери? И как это они ожили?

– Звери из его б. г., – ответил Виллисон. – Я их видел. И вы тоже видели, не так ли, мистер Коэн?

– Ничего подобного, – сказал мистер Коэн, протирая стойку бара. – Вот почему он пришел сюда: они не последовали за ним в бар Гавагана. Но очень многие клятвенно уверяли, что действительно видели этих зверей. Даже полицейский Кревиц, которого мой брат Джулиус называет одним из самых уравновешенных людей на свете, и старик Вебстер из лавки портного. И не следует забывать о мистере Виллисоне.

– Вы утверждаете, что твари из его б. г. ожили? – переспросил Витервокс. – Хотелось бы услышать об этом. Я однажды читал в книге о чем-то подобном. Это называлось материализацией.

– Ну, я не знаю... – проговорил Виллисон. – Те немногие из нас, которые были с ним знакомы, старались не распространяться...

– Можете им рассказать, – посоветовал мистер Коэн. – Это ведь никому не повредит: бедный парнишка давно умер, и его звери исчезли вместе с ним.

– Ммм... Полагаю, вы совершенно правы, – согласился Виллисон. – Ну... Смешайте мне еще порцию ржаного с водой, мистер Коэн, и я попробую все рассказать. Постараюсь покороче...

Кэмпбелл Ван Нест (поведал Виллисон) всегда был недотепой. Привлекательный парень, ничего вроде бы особенного – но казалось, что он заключил со всем миром соглашение: всегда бродить по бездорожью. Все, за что он брался, шло не так, как надо. Он не то чтобы ошибался, просто сбивался с пути – и это приводило к новым и новым разочарованиям.

Он торговал игрушками. Я постараюсь объяснить вам, о каких разочарованиях идет речь... Он был очень способным и неплохо зарабатывал, но ему не нравилась активная жизнь, ему не нравились путешествия, встречи с людьми, собрания и переговоры. Ему нравилось сидеть дома и читать – о разных вещах, прежде всего об астрологии и восточных традициях. В игрушечном бизнесе его по-настоящему интересовало создание разных зверюшек – панд, которые двигались, и всего прочего. Но заниматься подобными проектами постоянно было нельзя, ему позволяли иногда уделять этим разработкам пару недель, а потом приходилось снова отправляться в путешествия.

К тому же он постоянно влюблялся; нет, не подумайте, что он был бабником. Он по-настоящему сильно увлекался какой-нибудь девицей, а потом, в решающий момент, возлюбленная его отвергала. Вы слышали о крутых парнях, круче которых бывают только яйца? Ну, я сказал бы, что Кэмпбелл Ван Нест напоминал яйцо всмятку. Когда очередная девица говорила ему «нет» – его это просто убивало; и решив действовать так, как другие коммивояжеры, он после разрыва обычно уходил в двухдневный загул.

Насколько мне известно, в тот день дела с самого начала не заладились. Последняя девочка Ван Неста бросила его; кто-то влез в его автомобиль и украл все вещи; и магазин, по поручению которого он заключил большую сделку, разорился, так что он потерял свои комиссионные. И Ван Нест устроил такую попойку, по сравнению с которой обычные кутежи кажутся милыми семейными вечерами. Этот загул продолжался три дня; и хуже всего было то, что он скрывался от людей. Ван Нест продолжал покупать бутылку за бутылкой и сидел у себя в комнате, напиваясь и читая эти восточные книги. Его домовладелица позвонила мне на третий день; я пришел туда и обнаружил, что в помещении ужасный беспорядок, бутылки и книги разбросаны по всему полу.

Я уложил его в кровать и немного прибрался. Занимаясь уборкой, я обнаружил, что Ван Нест не только читал во время этого запоя. В комнате я нашел множество листков, на которых он, очевидно, делал наброски новых игрушечных зверей; от некоторых картинок меня едва не вывернуло наизнанку.

(Мистер Гросс заметил: «В точности как мой кузен Луи». Виллисон бросил на него взгляд, в котором отразились некоторые сомнения, а потом продолжил.)

Вот и все, что я мог тогда сделать. Потом я ушел. Следующую часть истории поведал мне сам Ван Нест. Когда он очнулся, на следующий день, около полудня, эта тварь сидела на спинке кровати. Я увидел ее гораздо позже; она напоминала какую-то обезьяну, только была крупнее, у нее были огромные, как блюдца, глаза и чрезвычайно длинные пальцы. Я не знаю, может, это существо напоминало один из рисунков Ван Неста, сделанных во время запоя. Морда животного выражала, мне кажется, сильную злобу.

Коренастый мужчина, на приплюснутом носу которого висели очки, поинтересовался насчет дайкири и произнес:

– Думаю, что это был ночной долгопят.

– Да? – воззрившись на него, произнес Виллисон. – А они синие?

– Одного такого я видел, – сказал коренастый мужчина. – Но это... извините, что прервал ваш рассказ, старина. Однако тут может быть связь: продолжайте.

У Ван Неста никогда прежде не бывало белой горячки (продолжил Виллисон), и поначалу он решил, что животное сбежало из зоопарка. Но учитывая его похмельное состояние, вполне естественно, что он не попытался схватить пришельца. Такое животное ведь может довольно сильно укусить. Так что он выпил брома с сельтерской и оделся, рассчитывая, что, выйдя на

улицу, позвонит в зоопарк или Службу защиты животных и попросит их забрать зверя. Этот призрачный как-его-там просто сидел на спинке кровати, рассматривая Ван Неста.

Зверь вел себя так спокойно, что Ван Нест решил сначала выпить чашку кофе, а потом уже звонить по телефону. Но когда он открыл дверь (не стоит забывать, что рефлекс у него еще не пришли в норму), тварь прыгнула с кровати и выскочила наружу, как молния. Ван Нест ожидал, что обезьяна сбежит. Ничего подобного не произошло; зверь проскакал по коридору, затем спустился по лестнице, держась на одном расстоянии от человека. Каждый раз, когда Ван Нест оборачивался, обезьяна отступала, а затем следовала за ним снова, едва он делал шаг вперед. Животное бродило за ним как привязанное.

Это заставило Ван Неста задуматься – насколько он вообще мог думать во время похмелья. Что, если у него просто нервное возбуждение, а на самом деле никакой твари нет? Вот он и решил просто не обращать на нее внимания и зашагал дальше по улице. Тут он начал замечать, что другие люди присматриваются к нему, когда он проходит мимо; он услышал какой-то хрип или визг. Когда он обернулся через плечо – там была все та же тварь, шедшая за ним по пятам; другие люди, казалось, тоже ее видели. Он начал ускорять шаг. Довольно скоро он догнал девушку, которая шла в том же направлении, что и Ван Нест; и когда тварь пронеслась у нее под ногами, барышня посмотрела вниз и очень громко закричала. Услышав вопль, Ван Нест окончательно утратил самообладание и бросился бежать.

Вы знаете, что бывает, когда человек очертя голову бежит по улице. Люди надеются выяснить, кто за кем гонится, а потом очень часто и сами бросаются в погоню. На сей раз повод для волнения у них был – чудовище мчалось за Ван Нестом огромными прыжками. Некоторые завопили: «Оно гонится за ним!» и через полминуты два или три десятка участливых граждан помчались за бедным юношей.

Явная сила привычки, как позже говорил Ван Нест, привела его к Гавагану, и он нырнул внутрь, укрывшись и от этих людей, и от зверя. Вы помните, мистер Коэн?

– Да, очень хорошо помню, – сказал бармен. – Бедный парнишка ворвался в дверь, как один из этих чудных конькобежцев, которые выступают на разных шоу, и подлетел прямо к стойке. «Тебе точно необходимо бренди, мальчик мой», – сказал я и налил ему порцию, в то время как все прочие люди вошли в бар, разыскивая загадочного зверя. Но никакого зверя они не увидели; с Ван Нестом никого не было. Зеваки увидели только Кэмпбелла Ван Неста, сжимавшего в трясущейся руке рюмочку бренди. Некоторые заявили, что тварь удрала по крыше; но вы ведь утверждаете, что это не так... правда, мистер Виллисон?

Еще ржаного с содовой (произнес Виллисон). Нет, конечно, это неправда. Тварь просто исчезла. Некоторые преследователи вошли в бар, чтобы расспросить Ван Неста; в конце концов, им удалось побеседовать. Понимаете, есть только один способ беседовать в баре – с выпивкой в руке. Ван Нест выпил «Желтую гремучку» и почувствовал себя лучше, а затем он выпил еще и еще – а в итоге узнал, что уже наступил вечер, а весь день он провел в баре.

Я бы не сказал, что он был по-настоящему пьян, так пьян, как в предшествующие дни; кроме того, мистер Коэн ничего подобного не допустил. Но нельзя весь день пить бренди и «Желтую гремучку», ничем не закусывая, и вовсе не напиться. Что вы сказали? О да, он съел сэндвич с жареной свиной. Да, он съел этот сэндвич и выпил еще пару порций, пошел домой и выпил на ночь еще пару-тройку стаканчиков; а тогда, мне кажется, он был уже сильно пьян. Так он и рухнул в кровать; время уже было довольно позднее.

Когда он пришел в себя, где-то ближе к полудню, эта призрачная тварь снова была рядом. И на сей раз с ней вместе был другой монстр, похожий на ящерицу с длинным хвостом и тонкими пальцами и каким-то колючим гребнем вокруг шеи, вроде тех, которые вы иной раз видите на старинных портретах предков. Это существо было темно-красного цвета.

– *Chlemydosaurus kingi*, оборчатая ящерица, – сказал курносый мужчина, – интересная цветовая разновидность.

– Вы точно знаете? – спросил Виллисон.

– Да. Моя фамилия – Тоболка. Я – биолог. – Он протянул Виллисону руку. – Могу я вам купить еще порцию?

Спасибо, я, пожалуй, действительно выпью еще (ответил Виллисон). Я не хочу, чтобы вы считали Ван Неста дураком. Он мог сложить два и два, несмотря на то, что в голове у него стучали сотни молотков; и он был совершенно уверен, что как только он выйдет на улицу, эти два ужаса последуют за ним. Так что он позвонил мне и попросил меня приехать.

К тому времени, как я добрался до его квартиры, он уговорил целую пинту, которую заказал для успокоения нервов. Звери по-прежнему были там – оба. Я их видел. Они были не очень маленькими. Каждый раз, когда я пытался приблизиться к одной из тварей, она в мгновение ока отскакивала; потом усаживалась поодаль и продолжала смотреть на Ван Неста. Он казался подавленным.

«Я не могу понять, почему это происходит», – повторял он.

Я рассказал о том, как укладывал его в постель несколько ночей назад, как выглядела комната, какие книги и странные рисунки животных были разбросаны вокруг. «С какой индусской магией ты связался?» – спросил я.

Он расстроился еще сильнее прежнего. «В том-то и беда, – сказал он. – Я не имею ни малейшего представления. Очень многие из этих книг посвящены оккультизму и материализации в той или иной форме, но я боюсь, что слишком много выпил в тот день; я не знаю, что хотел сделать».

Мы пришли к выводу, что единственное разумное решение – восстановить весь ход событий; я принес на подносе кое-какой еды, а затем мы занялись его книгами. Те два зверя постоянно следили за нами. Я не мог понять, о чем в этих книгах шла речь, а он, кажется, не мог отыскать ничего полезного. Около пяти часов я прекратил поиски и пошел домой, предварительно заказав Ван Несту обед. Единственное, на что нам оставалось надеяться, – может быть, звери исчезнут за ночь. Он прикончил пинту, но это был суший пустяк для человека, наделенного способностями Ван Неста, и его можно было назвать в какой-то степени трезвым.

Но он позвонил на следующее утро, чтобы сказать: твари по-прежнему там, они сидят возле кровати и все время на него смотрят. А еще хуже, что позвонили из конторы. Там не возражали против его отсутствия, но он не выходил на работу уже целых пять дней, и теперь ему срочно следовало отправиться в командировку на Средний Запад. Идея совершить коммерческое путешествие в компании этих двух тварей не очень привлекла его – явно неподходящий способ, чтобы завоевывать друзей и оказывать влияние на людей.

Я пришел к нему после обеда, и мы еще раз все обсудили. Наконец я сказал: «Подумай. Есть две части этого дела, которые могут быть связаны между собой... Не этих ли двух зверей ты рисовал, когда ушел в запой?»

Он вытащил рисунки; хотя его рука была не слишком твердой, когда он проводил линии, но и оборчатую ящерицу, и призрачную обезьяну мы опознали.

«Хорошо, – сказал я. – Ты помнишь, что первая тварь исчезла, когда ты пришел к Гавагану? Сейчас я вызову такси и отправлю тебя туда; пока тебя не будет, я уничтожу эти рисунки».

Он сказал, что это кажется неправдоподобным, но ничего лучше он придумать не может. Второй день изучения книг также не принес никаких результатов. В общем, он со мной согласился. Я вызвал такси, машина ждала его внизу с включенным двигателем; он помчался по лестнице, и за ним последовали оба чудовища. Ящерица поехала на крыше. Я вернулся в комнату, собрал все сделанные им рисунки и сжег их, для верности прибавив некоторые чертежи, которые он делал для других игрушек, совсем не напоминавших чудовищ.

А потом я пришел сюда. Кажется, довольно много людей видели Ван Неста с его зверями – не столько, сколько в первый раз, но достаточно, чтобы начались разные пересуды. В итоге почти все пожелали купить ему выпивку и навести его на разговор. Сами можете вообразить, к чему это привело. Когда я уводил его отсюда, Ван Нест был совсем уже хороший, а на следующее утро он обнаружил трех домашних животных вместо двух.

Только на сей раз вышло еще хуже. Новая тварь не имела ничего общего с его рисунками; я никогда ничего подобного не видел; доктор Тоболка, я не думаю, что она была похожа на какое-то животное, которое вам известно. Нечто вроде огромной многоножки с кошачьей головой.

Ван Нест позвонил, я снова пришел и все увидел. Его снова вызывали в контору, и он ответил, что болен. Я остался у него на некоторое время, пытаюсь хоть что-то вычитать из его книг; но когда я вышел (отправился за провизией), Ван Нест, не способный выносить вида этих трех тварей, вызвал по телефону такси и снова поехал в бар Гавагана. Это было единственное место, где он чувствовал себя в безопасности.

(«Бедный парнишка сказал, что готов чистить плевательницы, если ему разрешат переночевать здесь, на полу, завернувшись в одеяло, – сказал г-н Коэн. – Я рассказал об этом самому Гавагану, но тот не пожелал ничего слышать»).

Я не получал от Ван Неста вестей (продолжал Виллисон), но я добрался до его квартиры, наверное, на пятый день после того, как все это началось. Из конторы прислали корзину с фруктами; ее доставил специальный посыльный. Мне пришлось постучать четыре или пять раз, прежде чем он впустил меня, да и то сначала чуть-чуть приоткрыл дверь и окинул меня подозрительным взглядом. Он не брися бог знает сколько времени; в руке он держал почти пустую бутылку. К тому времени в комнате находилось уже шесть тварей, все они, кроме первых двух, выглядели так, как будто их собрали из отдельных частей настоящих животных и зверей из детской иллюстрированной книжки. Я не смог подобраться поближе к этим тварям; но я был избавлен от неприятностей, потому что Ван Нест взмахнул бутылкой, сказал: «Видишь?» – сделал большой глоток и упал поперек кровати, а все эти невероятные существа просто смотрели на него. Они ничего не ели; они ничего не делали, только толкали друг друга и смотрели.

Он развалился на кровати, а я смотрел на него и думал. С ним творилось что-то необычайное; если бы я смог сделать что-нибудь, чтобы помочь ему, подумал я, это может быть очень выгодно. Рядом валялись страницы из вечерней газеты, я подобрал их и отыскал объявление о карибском круизе. Я позвонил по указанному номеру, корабль отплывал через три четверти часа, и, к счастью, у них была свободная каюта, потому что в последний момент кто-то отказался от поездки. Я посадил Ван Неста в такси, отвез его на пристань и погрузил на борт; и я с тех пор не перестаю сожалеть о содеянном, потому что этот корабль назывался *«Тринидадский Замок»*.

– Тот самый, который пропал? – спросил Витервокс.

– Верно, – кивнул Виллисон. – Напоролся на риф возле Багамских островов во время урагана и затонул со всеми пассажирами.

– Я в этом сомневаюсь, – внезапно произнес коренастый человечек, который назвался биологом Тоболкой.

– Прошу прощения... – несколько недружелюбно произнес Виллисон.

– И я прошу прощения. Никаких обид, дружище. Я не усомнился в ваших словах, я просто могу уточнить ваши сведения. Когда вы упомянули о синем ночном долгопате, я сказал, что это может быть как-то связано с известным мне случаем; теперь я уже совершенно уверен в этом. Ваш друг Ван Нест не утонул на *«Тринидадском Замке»*. Если мистер Коэн любезно выдаст мне еще дайкири, я все объясню.

(Он развернулся, театрально взмахнув рукой.) Господа, эта история не вышла за пределы научного мира по тем же причинам, по которым мистер Виллисон решил хранить молчание. Я – биолог, я очень много общался с несколькими участниками гарвардской экспедиции на Багамы. Вы можете знать, а можете и не знать, что цель этой «морской экспедиции» состояла в том, чтобы изучить существ, обитающих в море возле рифа Джексона. Это, в общем-то, всего лишь маленькая песчаная отмель неподалеку от Большого Абако, но там действительно можно отыскать странно интересных представителей мелкой морской фауны.

Вы могли видеть фотографии, привезенные из экспедиции. Если так, в центре почти неизбежно находилась некая юная леди, одетая в шорты и выполняющая некие научные исследования. Она – блондинка, притом исключительно фотогеничная, ее зовут Корнелия Хартвиг.

Наутро после крушения *«Тринидадского Замка»* она нашла выжившего пассажира с этого корабля; прибой вынес его на отмель у рифа Джексона. Думаю, не может быть никаких сомнений, что это оказался ваш друг Ван Нест, хотя он назвался Кэмпбеллом. Когда его нашли, он был не в лучшем состоянии, хотя жизнь его не подвергалась опасности. Ему дали укрепляющие средства, но нельзя было и думать о том, чтобы немедленно отправить его на материк, потому что транспортное судно совершало рейсы достаточно редко, а маленькие моторные лодки явно не подходили для перевозки пострадавших.

Мой друг профессор Руссо сказал, что когда молодой человек пришел в сознание и узнал, что ему придется задержаться в экспедиции, он, казалось, не возражал. Он смотрел на Корнелию Хартвиг, и она почти так же пристально смотрела на него. Возможно, мне следует немного о ней рассказать. Она – очень опытный биолог, но, подобно вашему другу Ван Несту, ее можно назвать вечно влюбленной. В экспедициях, вроде этого путешествия на риф Джексона, она обычно выбирала одного из старших и чаще всего женатых членов научной группы; и в прошлом это приводило к многочисленным неприятностям. Фактически члены экспедиции с некоторым страхом ожидали, кто же станет ее жертвой в этот раз; они с облегчением обнаружили, что Корнелия провела почти целый день в обществе потерпевшего кораблекрушение. Я лично не могу вообразить, о чем они друг с другом беседовали, но профессор Руссо утверждал, что особых трудностей у них не возникло.

Вечером, когда Кэмпбелл, или скорее Ван Нест, смог встать на ноги и кое-что съесть, Корнелия увела его на другую сторону острова, в пальмовую рощу, на поиски призрачных крабов при свете полной луны. Я не знаю, отыскиали ли они там призрачных крабов; но когда они сидели там под пальмами, необычайные животные, которых вы описали, появились как будто из ниоткуда и уселись вокруг них на почтительном расстоянии; там был и синий ночной долгопят, и брыластая ящерица темно-красного цвета.

Нет сомнения, что Корнелия была очарована. Если бы я обнаружил столько неизвестных науке видов – я тоже пришел бы в восторг. Парочка не возвращалась в лагерь очень долго – все остальные давно уже улеглись. Когда Корнелия утром поведала свою историю, другие члены экспедиции выслушали ее с некоторым скептицизмом; многие просто смеялись. Я несколько не удивлен. Звери Ван Неста вели себя на рифе Джексона несколько иначе, чем в городе, судя по вашим описаниям. Ни одного из них в то утро не видели. Они исчезли, как только рассвело.

Такое отношение к ее истории разозлило Корнелию; на следующий вечер она убедила самого профессора Руссо пойти вместе с ними в пальмовую рощу. Он сказал, что животные, казалось, выбрались из подлеска, и их описание полностью соответствовало тому, которое представили вы, мистер Виллисон. Профессор навел на них фонарик и тут же отказался от мысли, что это просто галлюцинации, поскольку звери оказались вполне реальными; но все его усилия поймать хоть одну особь ни к чему не привели – твари были слишком проворны.

После этого Корнелия и Ван Нест каждый вечер отправлялись в пальмовую рощу, часто они брали с собой принадлежности для рисования и фонарик; она сделала несколько замечательных рисунков. Парочка решительно и даже грубо возражала, когда другие члены экспедиции пытались последовать за ними; Корнелия и Ван Нест, казалось, были так сильно влюблены друг в друга, что все предпочли оставить их в покое. Однако профессор Руссо заметил, что примерно через три недели Корнелия – дневная работа которой существенно замедлилась из-за того, что она столько времени трудилась по ночам – стала прохладнее относиться к молодому человеку.

Стремясь выяснить причину, профессор засветло укрылся в пальмовой роще. Луна была уже во второй четверти, и он мог без особого труда следить за происходящим; но когда пришли Кэмпбелл и Корнелия и начали появляться животные, сразу стало очевидно – что-то идет неправильно. Обнаружилось лишь четыре существа, притом не самых необычных. Кроме того, хотя профессор Руссо находился не очень близко и не мог расслышать все слова, он сумел уловить настроение и общее развитие беседы. Корнелия бранила молодого человека, а он о чем-то умолял ее.

Виллисон снова придвинул к бармену стакан.

– Думаю, что добился своего, – сказал он. – Морской воздух и физические упражнения спасли его от пьянства и последствий. Именно это я ему и советовал.

– Очевидно, Кэмпбелл и сам пришел к тем же выводам, – продолжал Тоболка. – На следующее утро, когда все члены экспедиции отправились работать, Кэмпбелл отыскал запасы виски и выпил почти целую бутылку. Его обнаружили лежащим в кровати в бесчувственном состоянии. Профессор Руссо очень разгневался и обругал Кэмпбелла. Однако цель его маневра была достигнута. Корнелия еще раз отправилась с ним в пальмовую рощу и на следующее утро вернулась, сияя от восторга, с зарисовками совершенно новой и уникальной формы *Limulus*.

Затем он убедил Корнелию добывать для него виски. Но это продолжалось недолго, потому что вскоре прибыл базовый корабль, и работа экспедиции подошла к концу. Тогда профессор Руссо столкнулся с проблемой: Корнелия решительно отказалась покинуть остров до

тех пор, пока она не увидит еще нескольких зверей Кэмпбелла. С той же горячностью он отказался покинуть Корнелию; и они не могли возвратиться вместе из-за тех же самых животных.

Начальник экспедиции решил, что они оба – взрослые люди, имеющие право принимать самостоятельные решения, так что он оставил им палатки и припасы и принял меры, чтобы моторная лодка периодически совершала рейсы на риф Джексона. Он говорит мне, что, поскольку у Корнелии немного денег, а у Кэмпбелла вообще не было ни цента, когда его выбросило на берег, то им будет непросто платить за выпивку. Когда их видели в последний раз, они пытались заняться перегонкой молока кокосовых орехов. Возможно, мы когда-нибудь выясним, удалось ли им добиться успеха.

– Ну, спасибо вам, доктор Тоболка, – сказал Виллисон. – Возможно, мне следует отослать туда его книги. Как вы думаете?

Дар божий

– Мне как джентльмену весьма прискорбно наблюдать такое, – сказал мистер Гросс, качая головой. – Во-первых, мартини – неподходящий напиток для этого часа, и во-вторых, женщина, которая проводит время, в одиночестве напиваясь в барах, стоит на пути к гибели. Кто она такая, мистер *Ко-ган*?

Он движением головы указал на один из столиков, за которым сидела миловидная женщина лет сорока. Перед ней стоял бокал с двойным мартини, из которого она то и дело отпивала, проводя языком по губам после каждого глотка и заглядывая в стакан так, как будто он был в десять футов глубиной. Бармен посмотрел на нее, потом положил обе руки на стойку и наклонился к клиенту.

– Мистер Гросс, – сурово произнес он, – вам следовало бы знать, что я и только я сужу о том, много ли люди пьют в баре Гавагана; Богом клянусь, я отвечаю за это место и содержу его в порядке. Тот, кто посмеет оскорблять моих клиентов, может сразу убираться куда-нибудь еще.

– Я ничего такого не имел в виду, – нерешительно пробормотал мистер Гросс. – Я только подумал о несчастном семействе этой женщины.

– Никакого семейства у нее нет; но если бы у нее были родные – я бы не назвал их бедными и не сказал бы, что они ее стыдятся. Ведь это сама Джослин Миллард, которая пишет религиозные стихи, выступает по радио и так далее. Отец Макконахи говорит, что ее стихи ничем не хуже проповедей. Она некоторое время была в отъезде, а сегодня, похоже, вернулась.

– Радио, да? – произнес мистер Гросс, просияв; он снова обернулся и пристально оглядел поэтессу. – Разве это не замечательно? Кузен моей жены знает человека, который однажды выиграл на радио набор посуды. Но он тогда не был женат и кому-то отдал все эти тарелки, а заварной чайник почти сразу разбил. Хотелось бы мне завести знакомства на радио; возможно, с моим-то голосом я мог бы стать у них диктором.

Дама, привлечшая их внимание, подошла к бару и поставила на стойку стакан.

– Еще, – хриплым голосом проговорила она.

– Конечно, конечно, – сказал Коэн. – Мисс Миллард, вы знакомы с мистером Гроссом? Чем больше людей знакомятся друг с другом, тем лучше для всех.

– Рад познакомиться с вами, мэм, – сказал Гросс. – Мистер Коэн мне только что сообщил, что вы работаете в радиобизнесе.

– Здравствуйте, – ответила мисс Миллард. – Но я не работаю в радиобизнесе.

– Что я вам говорил? – заметил мистер Коэн, энергично смешивая мартини. – Она просто пишет стихи.

– К черту стихи, – заявила мисс Миллард.

– Ха! – удивленно воскликнул Гросс. – Что-то не так, мэм?

– Все равно вы мне не поможете.

– Не говорите так, мэм. Я вспоминаю, как мы однажды в субботу устроили дома вечеринку, сломался туалет, квартиру начало заливать. Могло показаться, что проблема неразрешима – ведь все водопроводчики уже не работали. Но оказалось, что друг сестры моей жены когда-то учился на ветеринара, и он просто снял пиджак и принялся за работу...

Мисс Миллард со скорбным видом глотнула еще мартини, а потом, казалось, приняла решение.

Хорошо, я расскажу вам (заявила она), и вы сами увидите, чем можете помочь, и мистера Козна это тоже касается. Если у вас хватит ума, вы отбежите от меня на добрую милю. Это хуже, чем быть прокаженным, и во всем я виновата сама – и только я одна.

Вы знаете, какие стихотворения я сочиняю? Их большей частью передают в эфир по вечерам в сети ДИТ; но некоторые произведения я продаю и в газеты. Вдохновенные поэмы – «Боже, дай мне то, Боже, дай мне это». Возможно, это не лучшие стихи на свете, но они действительно продаются, и люди пишут мне письма, сообщая, что мои труды им помогли. Даже проповедники и священники иногда пишут... Еще была одна женщина, которая сообщила, что я спасла ее от самоубийства. Если людям нравятся мои вирши и если они извлекают из моих стихов что-то делающее жизнь лучше, тогда почему бы мне не давать людям то, чего они хотят? Почему нет?

(Гросс пожал плечами, показав, что не намерен обсуждать данный вопрос).

Я не знаю, как это случилось и кто это со мной сделал, но боюсь, что теперь мне придется снова устраиваться в школу учительницей. Если мне кто-нибудь даст работу, когда обо всем узнают... Вы можете уже смешивать следующий коктейль, мистер Коэн; я как раз покончу с этим, когда вы приготовите новый.

Все началось несколько недель назад, когда я решила, что настало время отдохнуть. Я собрала вещи, села в свой автомобиль и отправилась в старинный французский район Квебека. У них там дрянные дороги; но еда весьма недурная; я прикупила несколько хороших антикварных вещиц, и все шло как надо, пока я не добралась до местечка под названием Пас де Анжи, на реке Бенуа. Там находится священная реликвия, она хранится в часовне у монахов-бенедиктинцев. Да, еще, знаете ли, у этих монахов очень хороший хор.

А ведь я пишу стихи, которые, как все уверены, религиозны по содержанию, и я пытаюсь общаться с другими людьми как подобает доброй христианке, но обычно хожу в церковь не чаще раза в год и не уверена, что переступила бы порог часовни в Пас де Анжи, если б не оказалась в этом городке после обеда, когда ехать дальше было уже поздно. Я перечитала все книги, которые у меня с собой были, а посмотреть там, кроме церкви, больше нечего.

В итоге я пошла в храм и села на скамейку. Был чудесный осенний день, тихий, безветренный. Свет проникал через запыленные стекла, которые показались мне очень роскошными для такого маленького местечка. Сидя в храме, я испытала замечательное ощущение мира и спокойствия, возможно, как раз такое чувство и должна приносить нам религия. Я сидела там очень долго, ни о чем не думая – вернее, мои мысли словами выразить нельзя. Через некоторое время стало смеркаться. Я встала и собралась уходить; и в то же самое время чувство, о котором я говорила, исчезло, как будто очарование разрушилось; и у меня осталось лишь воспоминание об этом чудесном переживании. Я как раз начала размышлять над новым стихотворением, которое следовало выпустить в эфир на следующей неделе, – и тут у самых дверей я повстречала маленького священника, который как раз входил в церковь.

Он заговорил со мной по-французски. Я неплохо знаю язык, но этот канадский французский звучит так странно – в общем, мне нелегко было разобрать его слова. В конце концов я поняла, что он приглашал меня остаться на вечернюю службу и послушать хор. К тому времени я проголодалась, и начало стихотворения для следующей недели уже тревожило меня; я попыталась отказаться; но он выглядел таким огорченным, что я наконец сдалась и вернулась в храм вместе с ним. После этого священник произнес какие-то слова, которые я не совсем поняла; что-то о неожиданных благодеяниях... Потом он покинул меня.

Хор был великолепен и оправдал все ожидания; когда запели монахи и в сумрачном воздухе разлился запах ладана, это чувство – нечто священное и благоговейное, если вы пони-

маете, о чем я говорю; как будто я стала легче воздуха и могла взлететь вверх прямо сквозь крышу – это чувство отчасти вернулось, но только на короткий миг, потому что я все время беспокоилась о своем стихотворении. Я, казалось, остановилась на первых двух строках:

Боже, дай мне дерево, цветок, дитя; Боже, дай мне птицу лишь на час...

После того как служба закончилась, я больше не видела маленького священника; и позднее я была так занята осмотром достопримечательностей и поиском нужной дороги, что стихотворение, которое я не написала, вылетело у меня из головы – пока я не вернулась в город. Затем вид знакомых улиц и магазинов напомнил мне, что нужно сдавать материал. Я попыталась поработать над текстом, поставив автомобиль в гараж, но дело никак не шло дальше первых двух строк. Когда я поднималась в лифте, эти две строки напомнили мне о происшествии в церкви; и я испытала на миг все то же чувство, с которым впервые столкнулась в Квебеке – вы бы назвали это экстазом.

В то мгновение, как я отворила дверь квартиры, я почувствовала: что-то неправильно. Я услышала крик. Я помчалась в свою гостиную, и там... там был новорожденный младенец, который ползал по ковру и вопил что было сил. В комнате было и все остальное: молодой дуб, который, казалось, прорастал прямо из-под пола, касаясь ветвями потолка; только что срезанная роза лежала у меня на столе; и желтая иволга сидела среди ветвей дерева.

Да, сделайте мне еще порцию, мистер Коэн. Вам, мужчинам, неплохо бы понять, что одно дело – много лет сообщать Богу, что хочешь ребенка, и совсем другое – внезапно обнаружить, что ребенок появился. Во-первых, я не замужем; я никогда замужем не была; и я только что вернулась из продолжительной поездки. Могу представить, какой поднимется шум, когда все узнают, что я вернулась с ребенком. Я женщина решительная, я могу не обращать на это внимания, но люди, которые покупают мои стихи, – достойные прихожане, и мне не следует об этом забывать.

Во-вторых, об этом существе нужно позаботиться. Извините меня, я уверена, что у меня в квартире очень милый, прекрасный ребенок, как раз такой, о котором я писала. Но я ничего не знаю об этих созданиях; когда у моих друзей появляются дети, я даже на руки их боюсь брать. Я сумела уложить ребенка в кровать и начала по телефону разыскивать няньку, которая могла бы прийти и помочь мне, в то же время пытаюсь выдумать историю, которая объяснила бы появление ребенка. Казалось, что все няньки в городе были заняты, но я наконец отыскала одну. Как раз тогда, когда я этим занималась, иволга вылетела из окна. Я посмотрела на часы. Прошел ровно час с той минуты, как я вошла в квартиру. Именно к этому сроку я должна была сдать свою поэму.

Когда явилась нянька, дела пошли еще хуже. Мне пришлось потратить полдня, покупая вещи для ребенка – он, кстати, намочил мне кровать, – и я не смогла придумать никакой другой истории, кроме рассказа о младенце, подброшенном к моему порогу. Нянька, очевидно, мне не поверила – она, скорее всего, считает, что я где-нибудь украла ребенка, и говорит, что мне следует его зарегистрировать. Я наконец ушла, но в квартире кавардак, и бог знает что мне теперь делать.

– Когда это случилось? – испуганно поинтересовался Гросс.

– Сегодня. Как вы думаете, почему я сюда пришла?

Тут вмешался мистер Коэн, беседовавший с кем-то у другого конца стойки:

– Мисс Миллард, один парень вас разыскивает.

Она обернулась – и столкнулась с мужчиной в комбинезоне и каске.

– Я мисс Миллард. В чем дело?

– Я водопроводчик из дома четыреста пятнадцать; Генри, мисс Миллард. Мне очень неудобно вас беспокоить, но похоже, что вы вырастили у себя в комнате какое-то дерево и оно, должно быть, пустило корни, которые проросли сквозь основание горшка. Корни испортили газовые трубы на потолке этажом ниже; мне пришлось некоторые перерезать. Мне сказали...

Мисс Миллард вцепилась в край стойки.

– Боже, дай мне сил... – проговорила она.

Кусок дерева от прикосновения ее пальцев рассыпался, как папиросная бумага; мельчайшие пылинки полетели на пол.

– Эти проклятые термиты! – воскликнул мистер Коэн. – Я дюжину раз говорил о них Гавагану, а он ничего не сделает, пока у нас весь дом не рухнет!

Самая лучшая мышеловка

Таксидермист, изготавливая чучело совы, висевшее ныне над баром, придал ему странное выражение – сова как будто была пьяна и кому-то подмигивала. Мистер Витервокс подмигнул ей в ответ и решительно обратил взгляд вверх, уверенный, что стоит ему посмотреть на соседей, как мистер Гросс тотчас начнет рассказывать анекдоты. Принимая в расчет качество анекдотов, этого следовало избежать любой ценой; но в конце концов настал момент, когда стакан опустел. Мистеру Витервоксу пришлось посмотреть вниз, чтобы стакан снова наполнили. Сидевший рядом мистер Гросс зловеще прочистил горло. Мистер Витервокс обернулся спиной к источнику звука, внимательно осмотрел панели красного дерева у двери и подозревал бармена.

– Кто это там пьет в одиночестве? – спросил он. – Возможно, он пожелает присоединиться к нам; человеку не стоит пить в одиночку. Вы можете поставить ему от меня шерри, мистер *Ко-эн*.

– *Ко-эн*, ей-богу! – поправил его бармен. – Ему? Его зовут Мердок, а может, Моуд, и я думаю, что он – не тот человек, с которым вам стоило бы познакомиться. Может статься, на нем висит убийство... Что вы пожелаете, мистер Гросс?

– Как обычно, «Кипящий котел», большую порцию. Кстати, я припоминаю, что был знаком с человеком...

– А он что, гангстер? – спросил мистер Витервокс.

– Я не хочу ни во что вмешиваться, просто хочу оказать ему любезность. Пригласите его к нам и передайте ему выпивку. Скажите ему, что Дьявол умер ночью во вторник и мы устраиваем поминки.

Мистер Коэн улыбнулся; ощущение превосходства выразилось на его округлом лице, когда он смешивал ингредиенты для «Кипящего котла».

– Нет, он не гангстер. Все гораздо хуже. Он потерял своего дракона.

– Друга моего дяди Пинкуса однажды пнул в живот кенгуру, – сообщил мистер Гросс. – Он...

– Мне не важно, потерял он дракона или отыскал русалку, – в отчаянии провозгласил мистер Витервокс. – Приведите его сюда и дайте ему выпить.

Бармен, пожав плечами, как человек, который исполнил свой долг и не несет ответственности за последствия, направился в дальнюю часть заведения. После разговора с Коэном Мердок обратил тонкое печальное лицо к первым посетителям, затем кивнул. По его походке нельзя было понять, сколько он выпил и подействовала ли на него выпивка; но он попросил «Двойной зомби». Когда он приветственным жестом приподнял стакан, мистер Гросс внимательно оглядел его с поистине отеческим интересом.

– Это правда, – спросил он, – что вы потеряли своего дракона?

Мердок поперхнулся, опустил стакан и страдальчески глянул на мистера Гросса.

– Если бы это был мой дракон, я не так волновался бы, – сказал он, – но я его взял в займы.

– Это правда, я оговорился, – охотно согласился мистер Коэн. – Я помню, что это случилось как раз здесь, в баре, вы его позаимствовали у парня-волшебника, он еще пил свой особый напиток.

Мердок потянулся за стаканом и сделал еще один глоток. Он пролил часть выпивки на подбородок, когда отворилась дверь, затем издал вздох облегчения при виде незнакомца.

Витервокс вновь окинул взглядом пьяную сову, которая все так же паялилась на него.

– Я никогда драконов не видел и не надеюсь увидеть, – сказал он. – Разве Святой Георгий или еще кто-то не избавился от последнего из них?

– Не избавился, – сказал мистер Коэн, снабдив нового посетителя порцией пива. – Именно здесь я видел животное, о котором мы говорим, видел собственными глазами; и оно выглядело в точности как дракон; и оно принадлежало этому парню, волшебнику Абарису.

– И сейчас принадлежит, – жалобно проговорил Мердок. – Ну, в общем, я не знаю, почему я с ним связался... он мне не нравился... о, какого черта! – Он сделал большой глоток «Двойного зомби».

Витервокс посмотрел на мистера Коэна.

– И кто этот парень, который владеет драконом? Какой-нибудь ученый?

Волшебник, скажу я вам (заговорил бармен). Он дал мне однажды свою карточку; возможно, она где-то здесь. Теофрастус В. Абарис (мистер Коэн медленно выговорил непривычное имя); вы и сами могли его видеть, мистер Гросс. Он часто приходил по четвергам вечером, как и вы. Большой, жирный кусок сала, не настоящий жирок от домашней стряпни, как у меня. Он был бледен как мертвец, волосы свисали на воротник пальто, а голос был тонкий, писклявый, как у мальчишки-певчего. Вряд ли бы вы стали по такому субъекту скучать.

Он был из пьяниц-одинок (продолжал Коэн), он никогда не покупал выпивки для бармена, но и домой ничего не уносил. Не то чтобы он был недружелюбным; он мог болтать без умолку часами, только половину из того, что он говорил, нельзя было понять. Я однажды поинтересовался, чем он зарабатывает на жизнь, и услышал в ответ, что он назвал какую-то религию... Сейчас я уже не вспомню ее названия.

(«Пифагорейство», – уныло сказал Мердок, взяв еще один стакан.)

Да, может быть; спасибо, мистер Мердок. Я никогда не слышал об этом прежде, но я спросил брата Джулиуса, который сейчас находится при исполнении, и брат сказал, что это все не очень хорошо, но никаких законов они не нарушают, пока не берутся предсказывать судьбу. Эта религия как-то связана с книгами. Да, есть очень старые книги, которые стоят немалых денег...

Вот что он разыскивал, по его словам. В последний раз, когда мы с ним встречались, он сообщил, что отправляется за книгой, сочиненной каким-то Небулусом или кем-то еще.

(«Зебулоном», – уточнил Мердок.)

Вы, должно быть, слышали, как он об этом рассказывал. Он сказал, что гонялся за этой книгой сотни лет; он всегда так выражался – когда собеседник понимал, о чем он говорит, то не верил ни единому слову. Кажется, однажды Абарис заполучил книгу; он сказал, что отыскал ее на острове в розовом Аравийском море – как будто я не знаю, что морская вода не бывает розовой.

Потом он рассказал, что праведный Святой Петр похитил у него книгу; помимо того, что это чистейшая ложь, мне не понравилось, как он отзывается о святых и блаженных; и я ему все высказал. Но теперь он собирался вернуть украденное. Он сообщил, что вскорости в Бруклине состоится собрание людей, занимающихся подобными делами. По крайней мере, я так понял.

(«В Брокене», – уточнил Мердок.) Ну хорошо, в Брокене. Я все запомнил потому, что он назвал точную дату, а именно первое мая, и я подумал, что это, скорее всего, банда коммунистов или каких-то еще субчиков, но мой брат Джулиус (он сейчас находится при исполнении) сказал, что это неверно.

И все-таки для бизнеса его редкие посещения были полезны – он проделывал разные фокусы, все время шевелил пальцами, как будто играл на невидимом фортепьяно. Я когда-нибудь показывал вам бутылки из особого запаса, который я держу для него, а, мистер Гросс?

(Коэн ушел в подвал и принес бутылку. «*Vin sable*», прочитал Витервокс на этикетке. «Я знаю, что это такое; это по-французски, называется “песочное вино”. Может, вы на сей раз и себе нальете стаканчик, а, мистер *Ko-gan?*»)

Я бы не возражал; первый глоток сегодня, но не последний. Да, спасибо. Ну, я уверен, что они использовали черный песок или что-то похожее. Потому что, как вы лично можете убедиться, вино очень темное, как будто смешано с чернилами. Гаваган получает эти бутылки от импортера Костелло. Нет, я не продам вам ни капли этого напитка, мистер Гросс; такое нарушение стоило бы мне места. Это вино здесь исключительно для Абариса; а я не хотел бы, чтобы этот человек разозлился на меня; он умеет делать разные занятные вещи.

(Мердок издал звук, отдаленно напоминавший скрип ржавых петель.)

Что, разве вы сами в это верили? Нет, и я не верил, пока не увидел все собственными глазами. Вы знаете мистера Джефферса, не так ли, мистер Витервокс? Ну, теперь он стал совсем другим человеком, и все из-за этого Абариса. Прекрасный молодой человек и прекрасный товарищ, таким он и остался. Но в прежние времена, до того, как вы начали бывать здесь, мистер Витервокс, у него, возможно, было слишком много денег, и он слишком много тратил на девушек. Вот посмотрите на них по отдельности: деньги без женщин, или милая девочка без денег – и то, и другое может помочь молодому человеку, и он найдет себе место в жизни. Но соедините их – и чаще всего молодой человек проводит много времени за бутылкой.

Нет, не следует смеяться, мистер Гросс. Я – не тот человек, который станет порицать добрую выпивку, но я не хотел бы, чтобы люди выходили отсюда, не способные добраться домой на своих ногах. Приличные напитки помогают человеку понять, что в конце концов все его тревоги – сущие мелочи; но когда вы пьете, не зная забот, то главной заботой становится сама выпивка, а это плохо.

Именно это и случилось с мистером Джефферсом. Он начал выпивать вместе с женщинами, а потом уже пил без них; иногда он просто ужасно напивался. Когда я пытался привести его в чувство, он отправлялся за угол в то роскошное место, где никого не волнует, кому продают алкоголь; там мистер Джефферс напивался мертвецки. Много раз мой брат Джулиус вынужден был отводить его домой, просто в ужасном состоянии. В тот вечер, о котором я вам рассказываю, мистер Джефферс был здесь, как и Абарис – он именовал себя доктором Абарисом, я говорил вам об этом? Но когда я спросил, может ли он вывести бородавку с пальца моей жены, он сказал «нет»; так что не думаю, что следует называть его доктором.

И я спросил Абариса, может ли он сделать какой-нибудь фокус, чтобы заставить мистера Джефферса бросить пить: к примеру, взять бутылку и вылить из нее три разных напитка? Тогда он ответил: «Да, мой дорогой Коэн; конечно, мой дорогой Коэн. Наполните его стакан» – своим противным нежным голосом. Потом Абарис начал шевелить пальцами, как будто играл на фортепьяно.

Я наполнил стакан мистера Джефферса бренди, как он заказывал, и он взял стакан в руку; но прежде, чем он успел поднести сосуд к губам, бренди вернулся в бутылку, Богом клянусь. После третьей попытки мистер Джефферс оставил стакан в покое; на его лице появилось странное выражение, и он удалился. Я подумал, что он мог снова отправиться в то роскошное место за углом; но он вернулся на следующий вечер; и вы можете назвать меня оранжистом, если с первым же напитком, который заказал трезвый мистер Джефферс, не случилось то же самое. Я не знаю, что произойдет, если он явится сюда сегодня вечером, но с тех пор мистер Джефферс в рот не берет ничего крепче пива, и вы все это знаете, и я это знаю. Сам Абарис утверждает, что трюк очень простой; как он говорит, продолжающееся деяние.

– Воздействие, – произнес Мердок.

– Благодарю вас, мистер Мердок. Извините, мне надо узнать, что пожелает этот джентльмен.

– Мой кузен в Милуоки однажды... – начал Гросс.

Витервокс тут же заговорил с Мердоком.

– Так что за случай с драконом? Абарис заставил вас вообразить, что вы видели дракона, выходящего из вашей выпивки? – Молодой человек потягивал свою порцию «Двойного зомби».

Нет, ничего подобного (задумчиво произнес он). На самом деле, я полагаю, это была одна из дежурных шуток, знаете, вроде как надуть кого-нибудь в игре в кости или приделать длинные уши. Я видел, как и все прочие, немало фокусников, и в клубах, и на сцене; и этот Абарис мне показался не самым привлекательным представителем сословия. Я, по правде сказать, не раз задавался вопросом, как он выступает на публике – мистер Коэн верно заметил, Абарис всегда был грязен и дурно одевался. Людям нравится, когда их дурачат; но они хотят, чтобы это делали эффектно, чтобы этим занимался светский человек с вощеными усами, в белом галстуке и во фраке.

Так что я всего лишь хотел посмеяться – я спросил его, неужели он в самом деле волшебник. (Мердок содрогнулся и сделал еще один глоток.) У него черные глаза, а зрачки кажутся вертикальными, точнее я просто не могу описать; он посмотрел на меня, сказал, что он волшебник, и поинтересовался, есть ли у меня какие-то возражения. Он произнес это таким тоном, что я сразу же понял – я совершил ошибку. Но делать было нечего, оставалось притворяться, что я ничего не заметил. В общем, я рассмеялся и сказал, что он как раз тот человек, который мне нужен; мне требуется волшебник или, по крайней мере, гаммельнский крысолов, чтобы вывести мышей из моей квартиры.

(Витервокс положил деньги на прилавок и пальцем указал на стаканы. Мистер Коэн, согнувшись, начал разливать напитки.)

У меня квартира на Пятой улице (продолжал Мердок), на третьем этаже, как раз над одним из ресторанов Фэйрфилда. Там только одно плохо – точнее, было плохо, – квартиру наводняли мыши. Мне приходилось держать всю еду в металлических или стеклянных контейнерах; они даже объедали переплеты моих книг – настоящее бедствие. Вы даже не можете представить, сколько вреда могут принести эти твари, когда разойдутся в полную силу.

Подождите минуту (он протянул руку к Витервоксу, который как будто собирался заговорить). Я знаю то, что вы хотите сказать. Вы желаете поинтересоваться, почему я не пригласил истребителя грызунов и не купил кота. Что ж, я живу один и часто путешествую, так что бесполезно заводить кота. А если говорить об истребителях, то я действительно их вызывал; у меня перебивало с полдюжины. Они приходили раз в неделю с ловушками и ядом для мышей, который разбрасывали по полу до тех пор, пока он не начал хрустеть под ногами; я полагаю, что они действительно истребили немало мышей. По крайней мере, запах в квартире был именно такой. Но мыши по-прежнему прибывали.

Источник всех бед – ресторан Фэйрфилда; для них он был постоянным логовом. Вы знаете, что сеть принадлежит старой деве по фамилии Конибер, мисс Гвен Конибер. Как и очень многие другие старые девы, у которых более чем достаточно денег и времени и которые не знают чем заняться, она связалась с какой-то индийской сектой. Знаете, собрания в слабо освещенных комнатах и пророк с полотенцем вокруг головы. Как она желает тратить время и деньги – это, по-моему, ее личное дело; но у данной конкретной религии было особое свойство, из-за которого все это стало и моим делом. Наставник убедил мисс Конибер, что нельзя обрывать жизнь – не только жизнь человека, но жизнь любого существа; в точности как в Индии, где человек избавляется от вшей, снимая их с себя и перекладывая на кого-то другого.

Она отдала решительный приказ, чтобы в ресторанах Фэйрфилда не было никаких смертей и чтобы истребителей туда никогда не допускали. В общем, сами понимаете, как только я

избавлялся от мышей в своей квартире, снизу тут же являлись новые; и я столкнулся с настоящей проблемой.

Этот Абарис ничего не мог знать о моих обстоятельствах. Когда я сказал, что мне нужен волшебник, чтобы прогнать мышей из квартиры, он устремил на меня свои вертикальные зрачки и как-то странно прочистил горло – у меня мурашки поползли по всему телу. (Мердок снова вздрогнул и проглотил своего «зомби».) Я почувствовал, что он как будто собирается загнипнотизировать меня или заставить мою выпивку запрыгивать обратно в бутылку, как у Джефферса, и, прежде чем случилось нечто подобное, я начал объяснять: все это не шутка. Как только я добрался до мисс Конибер, он широко улыбнулся – у него очень полные, красные губы – и вроде бы даже мне поклонился.

«Мой дорогой юный друг, – сказал он, – если речь идет о психософистах, то для меня возможность помочь вам – просто подарок. Это ведь самые отвратительные из всех живых существ. Давайте подумаем... ха, я дам вам короля всех котов, и трупы мышей будут валяться на пороге Фэйрфилда».

Я объяснил, что король котов мне поможет не больше, чем принц, – из-за моих путешествий.

Он поднес руку к губам и заговорил потише. «Гм... гм... – пробормотал он. – Это усложняет дело, но работа интересная, и я от нее не откажусь. Я одолжу вам своего дракона».

Я рассмеялся, подумав, что Абарис оказался гораздо интереснее, чем представлялось поначалу; он смог легко разыграть меня таким способом. Но он в ответ даже не улыбнулся.

«Это очень молодой дракон, – сказал он, – вылупившийся из яйца, подаренного мне старым другом, мистером Сильвестром. Насколько мне известно, я – первый человек, который вывел дракона из яйца, так что попрошу вас особенно тщательно заботиться о нем, потому что я хочу сделать доклад на следующем заседании Императорского общества».

Я решил, что шутка несколько затянулась, поэтому ответил: разумеется, я буду тщательно заботиться о его драконе; и если он устанет от диеты из мышей, я с радостью предложу ему красивую молодую деву, привязанную к дереву, хотя и не могу гарантировать результат; насколько мне известно, подобные случаи оканчиваются для драконов весьма прискорбно.

В ответ он захихикал, но звук показался мне очень противным. Потом Абарис два или три раза постучал пальцами по стойке. «Кажется, вы относитесь к этому несколько легкомысленно, – заметил он. – Дело весьма серьезное. Поэтому, просто в качестве предупредительной меры, я ссужу вам дракона, но потребую некоторого обязательства. Я желаю, чтобы вы разрешили мне наложить на вас заклятие, когда я вернусь из Брокена, если с моим драконом что-нибудь случится». Он достал нож с маленьким, острым лезвием. «Уколите большой палец», – сказал он.

Ну, все зашло слишком далеко, останавливаться было уже поздно – я бы просто выставил себя на посмешище; и кроме того, мне хотелось узнать, какое жульничество он собирается устроить с этим драконом. Так что я прижал острие ножа к большому пальцу, и капля крови упала на стойку. Абарис наклонился над ней и запел какую-то песню, которая показалась мне довольно грустной; при этом он вертел пальцами так, как рассказывал мистер Коэн. Выражение его лица мне решительно не понравилось. Капля крови исчезла.

(Мистер Коэн замер, опершись о стойку и уперев руки в бока. Теперь он, казалось, пришел в себя. «Исчезла, не так ли? – переспросил он. – Я чертову уйму времени потратил, чтобы вывести эту каплю крови, и все равно она остается на том же месте. Если вы посмотрите под определенным углом и подойдете поближе – вот, обратите внимание, как будто кровь прошла сквозь лак и впиталась прямо в древесину. Очень необычно, не так ли?») А в драконе не было ничего необычного (сказал Мердок, и Витервокс впервые заметил, что выпивка оказывает воздействие на его собеседника). Это был самый настоящий дракон. Я сразу это понял, стоило только Абарису принести его ко мне в квартиру в металлической коробке... Именно тогда я

начал слегка волноваться. Он мел своих ешей... я хотел сказать, ел своих мышей – живьем. До мертвых ни за что бы не дотронулся. Но когда обнаруживал живую мышь, то делал «уфф!», выдыхал пламя – и мышь была готова к употреблению.

Витервокс сказал:

– Я никогда об этом не задумывался. Впрочем, огонь им для чего-то нужен. Ну, то есть если речь идет о настоящих драконах.

Мердок наставил на него палец:

– Эй, старик, вы что, мне не верите? Это нехорошо...

– Ну-ну, – решительно вмешался мистер Коэн. – Таких споров в баре Гавагана никогда не было и не будет. Мистер Мердок, вы меня удивляете. Мистер Витервокс ни единым словом не выразил своего недоверия. А что касается дракона, я видел его собственными глазами, прямо здесь, на стойке. Он побывал в этом баре – и все тут.

Он принес сюда дракона в большой банке из-под томатного сока (продолжал бармен) и показал мне, потому что именно здесь впервые услышал о драконе и потому, что способ уничтожения мышей в квартире оказался просто великолепным – не осталось ни единого грызуна. В общем, смотреть оказалось особенно не на что – дракон напоминал аллигатора примерно полутора футов в длину, с парой коротеньких крыльев на спине.

Возможно, дракону не понравилось, что его выпустили в баре, а может, и что-то другое; в любом случае, прежде чем мистер Мердок сумел захихнуть его обратно в банку, дракон убежал в дальнюю часть помещения, а там сидел парень, который пил «Тома Коллинза» и размышлял о своих делах. Этот дракон испустил струю пламени примерно в фут длиной и сжег все волосы на руке парня, можете поверить? Он вскипятил «Тома Коллинза» прямо в стакане, что произвело немалое впечатление в баре Гавагана. Несчастный парень подпрыгнул и умчался прочь; поскольку такие вещи плохи для бизнеса, я предложил мистеру Мердоку немедленно вывести дракона; и это стало началом всех его неприятностей.

Что вы, мистер Мердок, все в порядке... Я как раз собирался рассказать этим джентльменам, что вы принесли сюда дракона для уничтожения крыс, которые у нас завелись в подвале; а еще потому, что зверь проголодался. Все мыши были съедены; а мистер Мердок не добился успеха, принося домой бифштексы или свиные отбивные; дракон не мог есть ни говядины, ни свинины, он должен был сам ловить себе еду. Дракон похудел, он начал разговаривать, но произносил чаще всего что-то похожее на «Кварк, кварк». Он даже пытался ловить мух, которые полностью сгорали от его огня, и есть ему в итоге было нечего.

И что же сделал мистер Мердок? То, что сделал бы любой здравомыслящий человек: он попытался отдать дракона в зоопарк на время, пока мистер Абарис не вернется домой из Бруклина или откуда-то еще. Он уложил дракона в банку из-под томатного сока, прикрыл его картонной крышкой, и... Дракону не слишком понравилось путешествие в бар, он прожег в картонке дыру и выбрался наружу. Тогда мистер Мердок убрал зверя в деревянный ящик; но повторилось то же самое, причем дракон едва не спалил всю квартиру. После этого мистер Мердок попытался позвонить в зоопарк, чтобы дракона забрали туда, но как зоопарк, черт побери, мог управиться с драконом?

– Почему бы и нет? – спросил Витервокс.

– О, это долгая история, долгая, долгая история, – сказал Мердок. – Они сказали, что не могут его забрать, пока я им его не передам, а я сказал, что не могу этого сделать, и они предложили мне отнести его в магазин живашних домотных – то есть в магазин домашних животных; а я ответил, что зверь прожест дыру в коробке. Это было нехорошо, потому что зоопарк... знаете, что мне сказали? Мне сказали, о да, они пришлют фургон прямо за драконом, а издержки оплатит лично Наполеон Бонапарт. В общем, я повесил трубку. Возможно, всего этого не было. – Он скорбно проглотил очередную порцию «Двойного зомби».

Все было именно так, поскольку я – живой свидетель (решительно заявил мистер Коэн). Когда мистер Мердок рассказал мне об этом, я ему ответил: «Если не можете доставить дракона к еде, то поступите иначе». Да, доктор Бреннер сообщил мне, что есть места, где можно купить крыс, мышей и прочих тварей для опытов; а если это – не опыт, тогда что же? И когда я получил от доктора Бреннера адрес одного из таких мест, мистер Мердок тотчас же собрался туда... Он уже уходил, когда вспомнил, что накануне заказал доски для изготовления книжных полок. Их должны были вот-вот доставить, поэтому ключ от квартиры мистер Мердок оставил внизу, в ресторане.

Ну что ж, этот мальчик, который принес доски, – он сюда потом пришел, и хотя он был очень юным, я не стал прогонять его, ведь ему и в самом деле необходимо было выпить – этот парень положил доски, и тут из угла, откуда-то из-за труб выскочила мышь, а за ней гнался дракон. Вероятно, это была новая мышь. Дракон не гнался за ней, как кот (так он обычно преследовал добычу), но прыгал по полу, царапая когтями доски и судорожно взмахивая крыльями. При каждом третьем прыжке он выпускал струю пламени в один фут длиной.

Мышь бросилась за грудку досок, дракон последовал за ней. Парень, который принес материалы, пострадал от огня – у него появилась дыра в брюках, в которую кулак можно было просунуть; потом он удалился, решив, что самым лучшим местом для него может оказаться бар Гавагана. Что случилось дальше, я вам рассказать не могу; но насколько можно догадаться, мышь заползла в щель между досками, а дракон поджег их, пытаясь поджарить добычу.

Как бы то ни было, когда мистер Мердок вернулся с коробкой, полной живых мышей, его квартира была охвачена огнем и пожарные лили в окна воду и рубили своими топорами вещи – в общем, расчудесно проводили время. Нет, все было в порядке, потому что мистер Мердок застраховал свое имущество. Но дракон-то застрахован не был! Когда мистер Мердок вошел в дом, то, Богом клянусь, не нашел и следа этой твари. Может, зверь сгорел, может, его смыло водой, может, он сбежал в ресторан Фэйрфилда – он не имеет ни малейшего представления. А теперь – Абарис возвращается из Бруклина, а у мистера Мердока нет его дракона, есть только коробка с мышами, которых он держит, надеясь, что дракон вернется.

Так что теперь этот Абарис проклянет его, и каким будет это проклятие – не ведаем ни я, ни он. Нет, мистер Мердок, извините меня, но я сегодня вечером больше не стану вам смешивать «Двойной зомби».

Адреса не оставил

– ...так утверждает этот парень Доннелли, – сказал мистер Витервокс, размахивая бокалом мартини под носом юного мистера Джефферса, – что древние египтяне и древние предки народа майя, должно быть, явились из одного места, и эта самая Атлантида – единственное место, откуда они могли явиться.

– Что такое? – удивился доктор Бреннер, разглядывавший чучело совы над баром. – Уж не хотите ли вы сказать, что поверили древнему лепету Доннелли?

– Вы имеете в виду, что это не новая книга? – удрученно произнес Витервокс.

– О Боже, конечно нет! Она вышла в восьмидесятых и теперь может одурачить разве что людей, которые полагают, что произведения Шекспира написал Бэкон. – Бреннер обратился к бармену: – Мистер Козн, я от таких вещей слабею. Мне нужен сазерак, чтобы восстановить силы.

– Но сами подумайте, – воскликнул Витервокс, – должно же быть какое-то объяснение всем этим легендам о наводнениях и о странах, которые исчезли под водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.